

Федор Раззаков

Чтобы люди помнили

Федор Ибатович Раззаков

Чтобы люди помнили

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179511

Федор Раззаков Чтобы люди помнили: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-06234-3

Аннотация

Вся страна знала их в лицо. На протяжении десятилетий наши выдающиеся актеры и актрисы – Ильинский, Орлова, Алейников, Черкасов, Ладынина, Крючков, Серова, Кадочников, Целиковская, Юматов, Рыбников, Смоктуновский, Никулин, Визин, Миронов, Даль, Леонов, Евстигнеев, Филатов и многие другие – радовали нас своими ролями. Их любили миллионы зрителей. Фильмы с их участием всегда пользовались самой большой популярностью. Они были поистине народными артистами, и этого звания не мог лишить их никто. Они ушли из жизни, но никогда не уйдут из нашей памяти. Подробные биографии замечательных артистов собраны в этой уникальной книге, чтобы мы их помнили...

Содержание

Игорь Ильинский	4
Любовь Орлова	37
Борис Чирков	65
Татьяна Окуневская	94
Петр Алейников	110
Тамара Макарова	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Федор Раззаков

Чтобы люди помнили

Игорь Ильинский

Игорь Владимирович Ильинский родился 24 июля 1901 года в Москве в интеллигентной семье. Его отец – Владимир Ильинский – помимо того, что был прекрасным врачом, обладал еще массой всевозможных талантов. Например, он был одаренным актером-любителем на комедийные роли. По словам Ильинского, в любительском театре его отец переиграл массу классических ролей – от Кочкарева до Расплюева – «с тончайшими юмористическими оттенками, нюансами и интонациями, в старой благородной манере мастеров Малого театра, вроде замечательного Михаила Провыча Садовского».

Кроме этого, Ильинский-старший писал пейзажи и был мастером выразительного чтения – своему сыну он читал Гоголя, Чехова, Толстого, Никитина, Лескова, Диккенса, Марка Твена. Естественно, что, живя бок о бок с таким тонким ценителем, невозможно было не заразиться от него любовью к прекрасному. Еще будучи учеником гимназии, Игорь целиком отдается творчеству. Он издает юмористический журнал «Разный род», увлекается театром. Среди театральных

впечатлений детства на первом месте – Художественный и Малый театры, а также цирк и варьете во главе с блистательно-пародийной «Летучей мышью».

Несмотря на юный возраст, театральные интересы Ильинского были достаточно консервативны. В то время как многие деятели искусства в предреволюционные годы призывали к ниспровержению эстетических ценностей прошлого, считали театр анахронизмом, Ильинский ничего этого не замечал. В отличие от большинства сверстников, которые активно участвовали в назойливой шумихе, Ильинский вел себя не по годам серьезно. Он по-прежнему отдает предпочтение Художественному и Малому театрам, где смотрит Островского, Чехова, восхищается игрой корифеев сцены: Ермоловой, Садовских, Южина, Качалова, Москвина, Радина и др.

В разносторонних интересах Ильинского театр занимает главенствующее место. Если до этого он много времени уделял и другим увлечениям, например спорту (несмотря на то что с детства Ильинский страдал бронхиальной астмой, он до 18 лет побеждал в соревнованиях по гребле в одиночном каноэ), то отныне театр занимает все его мечты и помыслы. Осенью 1917 года Ильинский приходит в театральную студию известных режиссеров Ф. Ф. Комиссаржевского и В. Г. Сахновского. Свои первые этюды – импровизацию Ильинский делал как раз в те дни, когда в Петербурге революционные массы штурмовали Зимний дворец.

Полтора года, проведенные Ильинским в театральной студии, стали первой серьезной ступенью в его актерской карьере. Уже через несколько месяцев после зачисления в школу Ильинский пробует себя на профессиональной сцене – играет в руководимом Комиссаржевским Театре имени В. Ф. Комиссаржевской. Его дебют состоялся 21 февраля 1918 года в роли старика в «Лисистрате» Аристофана. Затем были роли в «Гимне Рождеству» Диккенса, «Сказании об Алексее – Божьем человеке» Ремизова, «Лулу» Ведекинда. Кроме этого, Ильинский играет несколько ролей и в других театрах – в «Театре четырех масок», в Театре Совета рабочих депутатов, в Театре Художественно-просветительского союза рабочих организаций (руководителем последнего был также Ф. Ф. Комиссаржевский).

В начале 1919 года Комиссаржевский эмигрирует из России, и его театральная студия закрывается. В отличие от большинства студийцев, которые после закрытия студии навсегда оставили театр, Ильинский оказался на редкость целеустремленным человеком и смело бросился в волны кипучего театрального моря тех лет. Количество театров и трупп, в которых он работал в те бурные месяцы 1920 года, не поддается учету. Причем Ильинский пробует свои силы не только в традиционных труппах, но и во всякого рода авангардистских. Широта его театральных интересов объясняется двумя причинами: желанием испробовать себя в чем-то новом и способом выживания – многие представления,

в которых он участвовал, оплачивались продуктовыми пайками или натурой, к примеру, несколькими березовыми поленьями. Среди самых заметных его ролей того периода – работа в Никитском театре оперетты и роль медведя Балу в «Маугли» в Детском театре.

В том же году Ильинский поступает в труппу Художественного театра, однако спустя месяц бросает его и переходит в только что организованный Всеволодом Мейерхольдом Театр РСФСР Первый. Многих тогда удивил этот переход. Ведь до этого у театральной общественности сложилось мнение об Ильинском как об актере старой школы, приверженце старых театральных традиций. И сцена МХАТа была именно тем местом, где Ильинский мог бы счастливо воплотить все свои творческие мечты. Он же внезапно ушел к Мейерхольду, который считался не только режиссером-новатором, но и человеком политически ангажированным. Почему же это произошло? Вот как отвечает на этот вопрос З. Владимирова: «К той поре Ильинский уже окончательно расстался с аполитичностью своих юных лет. Хотелось быть в первых рядах строителей нового революционного театра, верилось, что Мейерхольд способен возглавить это историческое дело. Да и сам Ильинский тогда был таков, что для него более естественным было шагать в будущее рядом с Мейерхольдом, чем с театрами академического лагеря. Оптимизм и лубочная яркость красок, эксцентрика, балаганность, буффонный комизм, все то, что родилось в его творчестве как

„ответный гул“ на революцию, влекло Ильинского в Театр РСФСР Первый...»

Первой работой Ильинского в театре Мейерхольда стала небольшая роль фермера Гислен в спектакле «Зори». Однако неумная энергия Ильинского-актера не знает покоя, и, помимо игры в Театре Первом, он продолжает успешно выступать и на других сценических площадках. Он гастролирует с мольеровским «Лекарем поневоле» со сборной труппой по Украине, играет в оперетте «Славянский базар», затем перевоплощается в Тихона в «Грозе» Островского. Причем последняя роль, по словам самого Ильинского, является самым большим успехом в его жизни.

В те же годы Ильинский сыграл две заметные роли у Мейерхольда: меньшевика в «Мистерии-Буфф» (1921) и Брюно в «Великодушном рогоносце» (1922). Эти роли сделали Ильинского чрезвычайно популярным в театральных кругах, критика смело называла его «лучшим учеником Мейерхольда». Сам режиссер всегда признавался, что очень любит Ильинского за его актерскую серьезность, за фанатичную преданность театру. Однако, как и любой режиссер, Мейерхольд был непостоянен, у него периодически появлялись другие «увлечения». В такие моменты отношения режиссера и актера охладевали. Видимо, один из подобных моментов наступил в 1922 году, когда Ильинский принял неожиданное для многих решение покинуть труппу Театра РСФСР Первого и перейти в Первую студию МХАТа. Там он дебю-

тирует сразу двумя ролями – в «Герое» Синга и «Укрощении строптивой» Шекспира.

Спрос на Ильинского был высок, его буквально разрывали на части с предложениями играть в различных театрах. Даже Мейерхольд просит его забыть недавние разногласия и вернуться. Ильинский идет ему навстречу. Однако из Первой студии МХАТа он не уходит, совмещая работу сразу в двух театрах. А вскоре к двум этим театрам добавляется еще и третий – Театр имени В. Ф. Комиссаржевской, где Ильинский исполняет роль генерала Пралинского в возобновленном «Скверном анекдоте» Ф. Достоевского. Театральная критика с удивлением наблюдает за этим «растроением» Ильинского, однако предъявлять ему претензии вроде бы не за что – во всех постановках актер играет на удивление сильно.

В 1924 году к театральной славе Ильинского прибавляется еще одна – кинематографическая. Он снимается сразу в двух фильмах: у Якова Протазанова в «Аэлите» (роль сыщика Кравцова) и у Юрия Желябужского в «Папироснице от Моссельпрома» (роль Митюшина). Оба фильма пользуются огромным успехом у зрителей и делают Ильинского широко популярным актером. Этот успех закрепляется ролью Пети Потелькина в комедии Я. Протазанова «Закройщик из Торжка», вышедшей на экран в 1925 году.

В том же году творческие пути Ильинского и Мейерхольда вновь расходятся. На этот раз камнем преткновения в их от-

ношениях становится супруга режиссера Зинаида Райх, которая, по мнению Ильинского, став прямой в театре, намеренно отодвигала его на второй план. Этот разрыв был более бурным, чем предыдущий, – Ильинский не только расстался с режиссером, но и со столичной публикой – он уехал в Ленинград, где поступил в Академический театр драмы (бывший Александринский); тут же он получает две роли: Гулячкина в «Мандате» Эрдмана и Кристи в «Герое» Синга. В этом же театре работает и жена Ильинского Татьяна, с которой судьба свела его во время работы у Мейерхольда.

К 1926 году имя Ильинского уже широко известно в стране. В основном благодаря киноролям, в которых он играл комических персонажей, как, например, мелкого вора Тапиоку в «Процессе о трех миллионах» или клерка Гопкинса в «Мисс Менд» (оба фильма снял в 1926 году Я. Протазанов). Об огромной популярности артиста говорят афиши того времени: «Завтра – единственная гастроль знаменитого киноартиста, живого Игоря Ильинского!» или «К нам едет король экрана! Нас посетит закройщик из Торжка, похититель трех миллионов, личный друг мисс Менд и возлюбленный Аэлиты – Игорь Ильинский!» Однако в эти же годы театральная критика не оставляла камня на камне от игры Ильинского на сцене. Если раньше его творческая всеядность удивляла и поражала критиков, то теперь лишь раздражает. К примеру, когда Ильинский стал активно гастролировать по стране как чтец и эстрадный рассказчик, критика обрушилась

на него с упреками в откровенной халтуре (в одной из газет его гастроль так и называли – «халтуриадой»), в потворствовании самым невзыскательным вкусам. Однако были и другие мнения. Вот как напишет об этом позднее З. Владимирова: «И все же театральные странствия Ильинского оказались подлинным университетом актера. Многие „специальные курсы“ постигались им в предельно сжатые сроки, осваивались на ходу, давая плоды буквально в следующем же спектакле... Ему довелось испытать свои силы в разных жанрах, проникнуться обаянием старой оперетты, побывать в варьете, ощутить природу эстрадной пародии, ее „сиюминутность“ и хлесткость. Пришлось научиться петь куплеты, танцевать канкан с профессиональным блеском, доводить клоунаду до акробатической легкости. На театральных путях-дорогах ждали Ильинского встречи с бесчисленными талантами земли русской, актерами интересными, творчески самобытными, иногда – поразительными умельцами, у которых можно было перенять сценические секреты и тайны...»

В 1927 году Ильинский совершает еще один «кульбит» – вновь возвращается к Мейерхольду, чтобы начать репетировать Фамусова в «Горе уму». Однако очередное возвращение блудного актера почти зеркально повторило предыдущие его уходы-приходы. Ильинский мечтал сыграть роль современного героя, но в планах режиссера этим чаяниям актера места не было. В итоге в 1928 году режиссер и актер вновь рассорились и разлетелись в разные стороны. Однако

в 1929 году Мейерхольд, видимо, посчитав, что обошелся со своим лучшим актером не слишком любезно, вновь призвал его под свои знамена, пообещав, что на этот раз современная роль ему обеспечена. И не обманул – Ильинский получил роль Присыпкина в «Клопе» В. Маяковского.

В отличие от сценической деятельности, кинематографическая судьба Ильинского в конце 20-х годов складывается намного успешнее. Здесь что ни фильм – то успех. За период с 1927 по 1930 год Ильинский снялся в четырех фильмах: «Когда пробуждаются мертвые», «Поцелуй Мэри Пикфорд» (оба – 1927), «Кукла с миллионами» (1928), «Праздник святого Йоргена» (1930). Все фильмы имели большой успех у зрителей и критики, однако сам Ильинский относился к ним неоднозначно. Позднее он с грустью посетует, что за всю жизнь так и не приобщился к кино «настоящим, деловым и организационным образом», что не поднялся даже в лучших киноработах до уровня театральных ролей, сыгранных в ту же пору. Несмотря на то что в прессе тех лет Ильинского называли то русским Чаплиным, то Гарольдом Ллойдом, то Паташоном, однако сам он оспаривал эти лавры, говоря, что так и не создал в кино собственной маски. Видимо, это было одной из причин того, что первую половину 30-х Ильинский практически не снимался. Единственным исключением была роль в картине «Механический предатель» (1931), которая никаких лавров актеру не принесла. После этого Ильинский в течение семи лет не работал в кино.

В театре Мейерхольда Ильинский сыграл в нескольких спектаклях, которые имели заслуженный успех. Практически он был занят во всех этапных классических постановках великого режиссера, кроме «Ревизора»: в «Лесе», «Горе уму», «Свадьбе Кречинского» и «33 обмороках» по Чехову. Премьера последнего спектакля, приуроченного к 75-летию А. П. Чехова, состоялась в 1935 году. По мнению большинства специалистов, спектакль провалился. Понимал это и сам Мейерхольд, который в одном из разговоров заметил: «Мы перемудрили, и в результате потеряли юмор... Прозрачный и легкий юмор Чехова не выдержал нагрузки наших мудрствований, и мы потерпели крах».

Эта премьера оказалась последней в творческой карьере Ильинского на сцене Театра Мейерхольда – сразу после нее он покинул, на этот раз навсегда, детище великого режиссера. Почему? З. Владимирова отвечает на этот вопрос так: «Как бы то ни было, неудовлетворенность росла. Ильинский не мог бы отчетливо сформулировать ее в те годы, однако он смутно чувствовал, что центр боевой театральной работы перемещается из Театра Мейерхольда в другие театры, что именно там куется теперь искусство, необходимое народу. В Театре Мейерхольда, порядком порастерявшем к тому времени своих лучших актеров, у Ильинского было мало достойных партнеров. Не с кем было помериться силами, не у кого поучиться артистическому разуму. Не устраивал ни репертуар без современных пьес, ни классика „на подпор-

ках“...»

Уйдя от Мейерхольда, Ильинский, видимо, по старой памяти считал, что без работы не останется. Однако месяцы шли за месяцами, но ни один из столичных театров не захотел увидеть его в своем штате. Объяснялось это несколькими причинами. Во-первых, в те годы сгустились тучи над Мейерхольдом, и многие его ученики, в том числе и Ильинский, автоматически попали в опалу. Во-вторых, режиссеры относили Ильинского к категории актеров-формалистов, неспособных играть на одной сцене с представителями реалистической школы.

Безуспешно прождав несколько месяцев, Ильинский в конце концов решил не ждать милостей от природы, а взять инициативу в свои руки. Он возобновил выступления на эстраде, где и до этого с блеском читал стихи и рассказы русских и советских писателей: Пушкина, Чехова, Гоголя, Крылова, Зощенко и др.

В 1936 году Ильинский внезапно решил попробовать свои силы в кинорежиссуре. Так как в столице к его идее снять фильм отнеслись скептически (видимо, испугались, что ученик Мейерхольда снимет нечто вызывающее), он отправился в Киев. Там на «Украинфильме» ему разрешили снять фильм, правда, не одному, а с партнером – режиссером Хананом Шмайном. Фильм назывался «Однажды летом», и Ильинский в нем выступил не только как режиссер, но и как исполнитель сразу двух ролей: некоего шарлатана и жулика,

укрывшегося под представительской вывеской профессора Сен-Вербуда, и комсомольца-автодора Телескопа. Однако, несмотря на то что лента представляла из себя авантюрную комедию с массой гэгов (сценарий написали знаменитые авторы И. Ильф и Е. Петров), успех у зрителей она имела довольно скромный. Да и сам Ильинский считал свой режиссерский дебют неудачным и надолго потерял всякий интерес к этому роду занятий.

Эта неудача обескуражила Ильинского, однако не отвратила его от дальнейшего общения с кинематографом. В 1937 году режиссер Григорий Александров предложил Ильинскому сыграть в его новой комедии «Волга-Волга» роль начальника Управления мелкой кустарной промышленности Бывалова, и он с радостью согласился. Натурные съемки проходили в местах реальных действий картины – на Волге. Эти съемки потребовали от Ильинского наличия не только актерских навыков, но и каскадерских. Зритель наверняка помнит, как в одном из эпизодов герои фильма падают с верхней палубы парохода в воду. Любовь Орлова, которая исполняла роль Стрелки, потребовала, чтобы ее в этом эпизоде заменяла дублерша. Ей пошли навстречу (все-таки режиссер фильма был ее мужем и не желал, чтобы она, не дай бог, получила какую-нибудь травму) и пригласили на этот эпизод чемпионку по прыжкам с трамплина. А для Ильинского, видимо, не нашлось чемпиона. Правда, виноват в этом был отчасти он сам. Перед началом съемок этого эпизода Алексан-

дров показал ему на нижнюю палубу парохода и сказал: «Вот отсюда вам придется прыгать в воду». На что Ильинский заявил: «Подумаешь, вот если бы с верхней, это было бы эффективнее». Говоря так, он подразумевал, что падать в воду будет не он, а каскадер. Однако Александров истолковал эту реплику по-своему. Ильинский понял это в самую последнюю минуту, когда к нему подошел второй режиссер и сказал: «Слушай, Игорь, ты правда прыгнешь с верхней палубы?» Ильинского прошиб холодный пот. «Да что ты, я же пошутил», – ответил он. Но в этот момент появился Александров и громко скомандовал: «Игорь Владимирович, наверх, пожалуйста». Отступить было поздно. Вспоминая об этом эпизоде, Ильинский напишет: «Когда я поднялся наверх в своих сапогах и с портфелем, с которым никогда не расставался, то понял, как это страшно, во мне все задрожало... Оператор был готов, все, задрав головы, смотрели на меня, я не мог подвести съемочную группу. Мне ничего не оставалось делать...»

Сегодня, глядя на то, как Ильинский совершает этот прыжок, даже не верится, что он делает это со страхом, – так естественно выглядит на экране его Бывалов. Видимо, сказала давняя дружба актера со спортом и то, что в предыдущих картинах, где он снимался, ему неоднократно приходилось играть нечто подобное. К примеру, в «Процессе о трех миллионах» его герой смело лазал по крыше, а в «Мисс Менд» бросался с парашюта в воду Невы.

Фильм «Волга-Волга» вышел на экран в 1938 году. На премьеру картины пришли все, кроме Ильинского. Говорят, он заявил: «Там будут бесконечные песнопения в честь Орловой и коробки конфет с ее портретом. Кому интересен мой Бывалов?» Однако он ошибся. Сыгранный им герой оказался даже более популярен в народе, чем героиня Орловой. Даже Сталин был настолько пленен игрой Ильинского, что смотрел фильм несколько раз и выучил наизусть все реплики Бывалова.

В период съемок в кино Ильинского властно позвала к себе сцена. Он внезапно получил сразу два приглашения – от В. Мейерхольда и от И. Судакова, который только что принял к руководству Малый театр. Ильинский, взяв на раздумье несколько дней, в конце концов выбрал второе. Далее слушаем З. Владимирову:

«Когда театральная Москва впервые услышала о том, что Ильинский стал артистом Малого театра, это было громом среди ясного неба.

Скачок казался громадным, непостижимым. Не верилось, что мейерхольдовец Ильинский сможет безболезненно войти в ансамбль мастеров академической сцены, заговорить с ними на одном языке. Известно было, что у Мейерхольда он временами выглядел более реалистичным, чем кто бы то ни было в труппе, но в Малом театре, как думали многие, формальный навык неминуемо должен был выйти на поверхность. Труппа встретила Ильинского настороженно: погова-

ривали, что, если состоялась эта кощунственная акция, в театр могут пригласить и Карандаша. С нетерпением ждали первого выхода актера на подмости, «где стояла великая Ермолова».

Ильинский сыграл Хлестакова – и маловеры умолкли разом. Успех был бесспорный, громкий, работу признали «внутри» и «вовне», и товарищи, с которыми актеру суждено было шагать с того дня рука об руку по дороге правды, и критика, и давние поклонники-москвичи. «Обнаружилось, что перед ними не только новый Хлестаков, но и новый Ильинский – зрелый художник реалистического искусства», – суммировал общее мнение С. Дурылин (журнал «Искусство и жизнь», 1939, № 6)».

Отдавая дань бесспорному таланту Ильинского, стоит отметить, что определенное влияние на критиков оказало то обстоятельство, что он к тому времени стал одним из любимых актеров Сталина. Публично ругать артиста стало невозможно. В 1941 году за роль Бывалова в фильме «Волга-Волга» Ильинский был удостоен Сталинской премии. Год спустя он был удостоен этой же премии за работу в театре.

Блестяще сыграв Хлестакова, Ильинский довольно скоро стал одним из ведущих актеров Малого. За короткое время он сыграл сразу несколько ролей: Загорецкого в «Горе от ума» А. Грибоедова, Аркашку в «Лесе» А. Островского (оба – 1938), Гаврилу в «Богдане Хмельницком» А. Корнейчука (1939). Однако все роли были классического репертуара.

ра, между тем как сам Ильинский мечтал сыграть современного героя, созвучного времени. Такая возможность Ильинскому представилась только три года спустя – в 1941 году в комедии А. Корнейчука «В степях Украины» он сыграл роль Саливона Чеснока.

Грянувшая затем война заставила Ильинского на время забыть об активном творчестве. И только в 1944 году он вновь вышел на сцену в большой роли – сыграл Крутицкого в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты». Год спустя зрители увидели его сразу в двух ролях: шекспировского Мальволио в «Двенадцатой ночи» и Мурзавецкого в «Волках и овцах» А. Островского. Но затем в творческой карьере Ильинского вновь наступил длительный перерыв, связанный на этот раз с проблемами личного характера. Умерла его жена – Татьяна Ильинская.

Они прожили вместе более двадцати лет, и хотя за эти годы их отношения складывались по-разному (позднее Ильинский признавался, что увлекался другими женщинами и в такие периоды мало заботился о душевном благополучии жены), однако в конце концов их брак сумел обрести ту стабильность, которая присуща отношениям людей, проживших бок о бок много лет. И в тот момент, когда чувства Ильинского к жене как бы обрели «второе дыхание», ее внезапно не стало. В те дни Ильинскому было так плохо, что он задумал уйти из жизни вслед за женой. Он купил бутылку с усыпляющим газом и собрался свести счеты с жизнью у себя

на даче во Внукове. Однако в последний момент что-то его все-таки удержало от рокового шага.

Он взял бессрочный отпуск и почти на два года ушел из Малого театра. Вернулся он в 1948 году и с огромным энтузиазмом, удивительным для его лет, набросился на работу. Его первой ролью после перерыва стал Юсов в «Доходном месте» А. Островского. В 1949 году Ильинскому присвоили звание народного артиста СССР. Благотворное влияние на жизнь и творчество Ильинского оказали изменения, которые в те годы произошли и в его личной жизни. Он внезапно увлекся актрисой Малого театра, 37-летней Татьяной Еремеевой.

Еремеева родилась в немецкой семье и в девичестве носила фамилию Битрих. В 1944 году, когда ее пригласили в Малый театр, она решила сменить свою «опасную» фамилию на более благозвучную – Еремеева. Однако от вездесущего ока НКВД это все равно не укрылось, и актрисе посоветовали, дабы избежать неприятностей, уехать из Москвы. Она отправилась в Тамбов, где проработала в местном театре несколько лет. Затем вновь вернулась в столицу, в Малый театр. Вскоре ее карьера пошла в гору – она получила роль Снегурочки, была удостоена звания заслуженной артистки республики. В 1949 году она получила одну из ролей в шекспировской «Двенадцатой ночи», в которой был занят и Ильинский. Именно тогда они и познакомились. Это знакомство произошло в Татьянин день – 25 января. Они встре-

тились в коридоре театра, и Ильинский внезапно поздравил ее с праздником. А спустя некоторое время он пригласил ее на свой концерт. Далее послушаем рассказ самой Т. Еремеевой: «Игорь Владимирович совершенно поразил меня своим чтением. Взволнованная концертом, я позвонила ему, чтобы поблагодарить за прекрасный вечер. И вдруг как-то очень неожиданно он предложил поехать с ним на дачу: „Чудесная погода, подышите воздухом час-два. И я привезу вас обратно“. Репетиций завтра у нас не было, соврать я не могла, и никаких „эдаких“ мыслей не возникало. Утром его машина стояла за углом гостиницы „Савой“. Он сам был за рулем, сзади сидел его шофер. Во Внукове еще лежал снег, но было очень тепло. Нас встретил старый пес – овчарка Дедок. „Он уже в годах, как и его хозяин“. Дача Игоря Ильинского была его убежищем, где он жил, укрывался от любопытных, читал, творил, ходил на лыжах, играл в теннис. В дачу он вложил все гонорары от съемок в кино.

Дом выглядел очень поэтично – легкий, двухэтажный, с просторным балконом и верандой внизу. Вокруг дома росли большие деревья. Но дом был сильно запущен и требовал хозяйской руки. Не было ни водопровода, ни газа, ни телефона. Зимой топилась только плита в однокомнатной пристройке. Гараж и сарай покосились. По соседству жили Орлова с Александровым, Образцов, Дунаевский, Утесов. Балкон на даче был любимым местом Ильинского.

На балконе было прохладно. Я сидела в пальто, а Игорь

Владимирович надел теплый домашний свитер с продырявленными локтями. Он неожиданно разговорился. Говорил о себе в основном плохое. О своих ошибках, о своей вине перед покойной женой, об эгоизме, о сестре, с которой не ладит. «Друзей у меня мало, чаще я бываю один. Мои соседи тоже предпочитают уединение». Меня поразила его исповедь, я дотронулась до его руки и поблагодарила за искренность. Он удивился и поцеловал мне руку: «Вы знаете что, давайте чуть-чуть вина. Я не пью, но вы мой новый друг, давайте немного пригубим». Когда Игорь Владимирович предложил мне молчаливый тост, я выпила свой глоток за то, чтобы ему было со мной не скучно. Ни одной секунды я не думала о том, чтобы стать для него чем-то большим».

Между тем слухи об этой поездке, а также и о других последующих встречах Ильинского и Еремеевой довольно быстро распространились по театру. Большая часть коллектива довольно снисходительно отнеслась к этому роману, однако были и такие, кто принял его слишком близко к сердцу. Среди последних была прима театра Вера Николаевна Пашенная. Дело в том, что ее дочь во время войны потеряла мужа и осталась одна с двумя сыновьями на руках. Пашенная мечтала выдать ее замуж, и, вполне вероятно, в числе кандидатов на эту роль фигурировал и вдовец Ильинский. И вдруг какая-то провинциалка, без году неделя работавшая в театре, сумела перебежать ей дорогу. Короче, Пашенная возненавидела Еремееву и при любом удобном случае ста-

ралась ей это показать. Однако изменить ход событий это уже не могло. В течение двух лет Ильинский и Еремеева продолжали встречаться (Еремеева оформляла развод со своим первым мужем), после чего наконец приняли решение пожениться. Было это в 1951 году. А год спустя на свет появился сын Володя. Уже позднее Ильинский напишет: «Я поздно стал отцом. Лишь после пятидесяти лет я познал великое чувство отцовства. С грустью и недоумением думаю, ведь могло случиться так, что я и не испытал бы этого».

Новорожденного его родители тайно крестили у себя на даче во Внукове. Для этой цели был специально приглашен хорошо знакомый Ильинскому священник – отец Александр. Однако, несмотря на всю секретность, с какой была обставлена эта церемония, она вскоре стала известна КГБ. Но на карьере Ильинского это не сказалось. Он тогда еще не был членом партии, да и шлейф славы любимого артиста «вождя всех времен и народов» все еще тянулся за ним (в 1952 году Ильинского наградили третьей Сталинской премией), поэтому все обошлось благополучно.

Новая волна популярности Ильинского выпала на конец 50-х, когда он вновь решил вернуться в кинематограф. В 1956 году на широкий экран вышли сразу две комедии, в которых Ильинский сыграл главные роли, причем внешне мало похожие одна на другую. В фильме режиссера Андрея Тютышкина (это он десять лет спустя снимет «Свадьбу в Малиновке») «Безумный день» Ильинский сыграл незадачливого

завхоза детских яслей Зайцева, который, пытаясь попасть на прием к чиновнику, называется мужем знаменитой чемпионки и проникает в покои бюрократа. Во втором фильме – «Карнавальная ночь» режиссера Эльдара Рязанова – Ильинский уже сам играет бюрократа – директора Дома культуры Серафима Огурцова. Именно с этой ролью и связана новая волна его популярности.

По словам Рязанова, пригласить Ильинского на роль Огурцова ему посоветовал сам Иван Пырьев. Несмотря на то что это предложение повергло Рязанова в смятение (он справедливо опасался, что Ильинский попросту «забьет» его своим авторитетом, к тому же на роль им уже был выбран другой исполнитель – Петр Константинов), оспорить предложение Пырьева он не осмелился. С дрожью в коленках он отправился на встречу с прославленным артистом. А далее произошло неожиданное. Ильинский повел себя с режиссером на удивление тактично, согласился практически со всеми его доводами и высказал мысли, которые если не на сто, то, во всяком случае, на девяносто процентов были созвучны режиссерским. Короче, они поладили.

Прекрасно складывались их отношения и во время съемок. Ильинский оказался прекрасным партнером. Начисто лишенный гонора и самоуверенности, он в то же время постоянно находился в творческих сомнениях, которыми не боялся делиться. По словам Рязанова, работать с таким актером было истинное удовольствие. Буквально всех, кто

трудился над фильмом, подкупали искренность и простота Ильинского. Он держался так, что окружающие не чувствовали разницы ни в опыте, ни в годах, ни в положении. Сам Э. Рязанов позднее напишет: «У меня тогда впервые зародилась парадоксальная мысль, которая впоследствии подтвердилась на многих примерах и превратилась в прочное убеждение: чем крупнее актер, тем он дисциплинированнее, тем меньше в нем фанаберии, тем глубже его потребность подвергать свою работу сомнениям, тем сильнее его желание брать от своих коллег все, чем они могут обогатить. И наоборот: чем меньше актер, тем больше у него претензий, озабоченности в сохранении собственного престижа, необязательности по отношению к делу и к людям».

Фильм «Карнавальная ночь» вышел на широкий экран в 1956 году и мгновенно стал фаворитом. Он занял в прокате 1-е место, собрав 48,64 млн. зрителей. Без сомнения, огромная заслуга в этом успехе принадлежала исполнителям главных ролей в картине: Игорю Ильинскому и Людмиле Гурченко.

В конце 50-х у Ильинского появилась возможность сыграть еще одну новую роль и в театре. Режиссер Б. Равенских внезапно увидел его в роли Акима во «Власти тьмы» Л. Толстого. Причем отдать роль Ильинскому режиссеру пришлось вопреки мнению большинства в театре, считавшему, что сыграть этого деревенского мужика такому актеру, как Ильинский, не под силу. Да и сам актер какое-то время

сомневался в себе. Однако режиссер победил. Говорят, готовясь к этой роли, Ильинский специально купил магнитофон и, сидя на балконе, стал часами учиться говорить по-мужицки: «Таеть, ты не того». Эту роль он играл на сцене с минимумом грима. Вот как напишет позднее З. Владимировна: «Ильинский добился во „Власти тьмы“ идеального согласия между бытовым и духовным, конкретностью и обобщением, исторической правдой характера и его поэтическим звучанием. Интеллигент Ильинский стал тульским крестьянином в самом полном значении этого слова. Глядя на него, казалось, что знаешь, из какой деревни вышел его Аким.

Непреложная сила подлинности ощутима в облике, жестах, поведении Акима—Ильинского. В этих его редких, простонародному длинных, подстриженных под скобку волосах, в бороденке клинышком, в порыжевшем, выдавшем виды зипуне, аккуратно подпоясанном веревочкой. В том, как, войдя в избу, он долго топчется у порога, сбивая веничком снег с лаптей, как истово хлебает деревянной ложкой щи, подставляя руку горстью, чтобы, не дай бог, не пролить и капли, как подбирает крошки со стола, — человек, знающий цену хлебу...»

В 1960 году Ильинский вступает в Коммунистическую партию. По словам очевидцев, делал он это неохотно, даже пытался протестовать, объясняя райкомовским работникам, что он верующий. Но его все равно уговорили. Сказали: «Вступив в партию, вы сможете помочь многим своим дру-

зьям и коллегам». Знали, что против этого аргумента Ильинский не найдет возражений.

Ильинский действительно многим помогал: кому-то выбивал квартиру, кому-то очередное звание, а некоторым и место на кладбище. Последних случаев было два, и оба раза Ильинский хлопотал за своих друзей: художника Василия Камарденкова и поэта Самуила Маршака. Когда их, умерших в разное время, отказались хоронить на престижном Новодевичьем кладбище, Ильинский лично отправился в дирекцию кладбища и заявил: «Когда я умру, я ведь имею право лежать на этом кладбище? Если да, тогда похороните вместо меня моего друга». И оба раза эта хитрость сработала.

Каким Ильинский был в повседневной жизни? Рассказывает его жена Т. Еремеева: «Главой семьи был Игорь Владимирович. Он ничем не занимался в хозяйстве и ничего не умел, но все решения принимал сам... Я занималась покупками, хозяйством. Я была ведь и женой, и матерью, и дочерью. У него был замечательный шофер, который его возил вечером после спектакля. Ильинский из-за зрения боялся сам сидеть за рулем, хотя машину водил хорошо. Шофер ему покупал продукты, когда мы еще не были женаты. А готовила ему одна старушка. Когда я пришла, то хозяйством стала сама заниматься. Все у него было очень запущено. Я вызывала мастеров, которые чинили мебель и заново ее обивали. Как-то к нам пришла в гости Серафима Бирман и была

потрясена, что такой артист живет в небольшой квартире с женой, тещей и сыном...

Он не баловал сына, хотя был хорошим отцом. Когда мы поехали в Сочи, он сказал восьмилетнему Володе: «Мы сейчас на море, и ты должен обязательно научиться плавать». Он познакомил его с тренером, Володя стал плакать. «Что это такое? Если ты завтра не пойдешь на занятие, я с тобой разговаривать не буду. Тебе предстоит стать мужчиной». Купил ему коньки и сам ходил с ним на каток, который был недалеко от дома – на Петровке, 24. Когда мы поехали в Финляндию, он ему купил полное хоккейное обмундирование. Приходил поздно после концерта, а Володя не спал, ждал отца, когда он ему на ночь расскажет сказку. Он переодевался, садился к Володе и сочинял на ходу. У него были удивительные персонажи – и Гномик-химик, и Кособока-мурмышка...»

В конце 1958 года Ильинский вновь вернулся в режиссуру – на этот раз в театральную (кинематографический дебют Ильинского-режиссера состоялся, как мы помним, в 1936 году). В Малом театре совместно с режиссером В. Цыганковым он поставил спектакль «Ярмарка тщеславия» по У. Теккерею. В отличие от кинематографического, режиссерский опыт Ильинского в театре оказался более удачным. Как пишет З. Владимирова: «В „Ярмарке тщеславия“ Ильинский остался Ильинским, художником парадоксальным и острым, верным учеником Мейерхольда. Он придал спектаклю стре-

мительный темп, насытил его динамикой мизансцен, нашел десятки образных деталей, отвечающих стилю и духу произведения. Оба режиссера-постановщика работали дружно, и все же почерк Ильинского не смешаешь ни с каким другим».

Два года спустя Ильинский и Цыганков поставили еще один спектакль – «Любовь Яровую» К. Тренева. Но в отличие от «Ярмарки», его ждала меньшая слава. В самой пьесе было заложено слишком много патетики, революционного пафоса, чего Ильинский, в сущности, не любил. Изначально было видно, что это не его пьеса. Почему он за нее взялся? Может быть, на его решение в какой-то мере повлияло то, что в том же году он вступил в партию и теперь от него требовалось показать свое отношение к этому событию.

Вспоминает Т. Еремеева: «В нашем театре ставили спектакль Михаила Алексева „Ивушка неплакучая“. Ужасная пьеса. Ильинский не постыдился при авторе сказать на обсуждении: „Не надо ничего переделывать, надо оставить все как есть. Как в Сталинграде оставили дом Павлова. Чтобы все знали, во что превратился Малый театр“.

В 1960 году Ильинского вновь пригласили сниматься в кино. В качестве приглашающей стороны был все тот же Эльдар Рязанов, который собирался ставить на «Мосфильме» комедию «Человек ниоткуда». Ильинскому в этом фильме предлагалась главная роль – Чудака. Однако, ознакомившись со сценарием, актер высказал сомнение: «Вам не кажется, Эльдар Александрович, что эта роль написана для бо-

лее молодого человека?» – «Игорь Владимирович, вы же активный спортсмен, – попытался возразить режиссер. – Вы до сих пор с успехом катаетесь на коньках, играете в теннис. Я думаю, что вы справитесь. А если уж придется делать что-нибудь акробатическое, то пригласим дублера». И все же Ильинский оказался прав. Финальную точку в этом споре поставила сцена, которую снимали возле Моссовета. В этом эпизоде герою Ильинского предстояло залезть на памятник Юрию Долгорукому. На постамент он попал с помощью пожарной лестницы. Далее послушаем его собственный рассказ: «Я понял, что мне никогда не залезть на огромный круп лошади. Очки мои полетели вниз. Вместо меня туда взобрался молодой электрик, который слез совершенно мокрый и сказал мне: „Игорь Владимирович, вас Бог спас“». После этого случая Ильинский отказался от роли. В картину пригласили другого исполнителя – Сергея Юрского, который был на 34 (!) года моложе Ильинского.

Однако новая встреча Ильинского и Рязанова была не за горами. Буквально год спустя Рязанов приступил к съемкам героической комедии «Гусарская баллада», и в ней нашлась роль для Ильинского. На этот раз она оказалась ему и по плечу, и по возрасту – Ильинский сыграл прославленного русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова. Правда, чтобы отстоять эту кандидатуру, Рязанову пришлось изрядно потрудиться. Дело в том, что руководство студии считало выбор режиссера неудачным – мол, Ильинский актер

комедийный и ему не стоит играть великого фельдмаршала, поэтому Рязанову следует подыскать другого кандидата. Рязанов отказался. Он объяснял: «Это же комедия, особый жанр. Среди забавных героев картины Кутузов не должен выделяться своей унылостью и глубокомыслием. Он должен быть таким же, как все они. Исполнители обязаны играть в одной интонации, в одном стиле, в одном ключе, говорить на одном языке – языке комедийного жанра». Руководство начало колебаться.

Между тем от роли внезапно стал отказываться сам Ильинский. Он заявил, что роль крошечная, буквально эпизод, поэтому сниматься в ней ему не резон. Рязанову пришлось и здесь подключить к делу все свое красноречие. В конце концов Ильинского он переубедил. Но разрешения со стороны руководства пока не было. И тогда режиссер пошел на хитрость. Без ведома начальства он снял с Ильинским один из эпизодов – когда Кутузов проезжает перед войсками. Съемки велись в конце зимы, снег уже таял. А вскоре он и вовсе сошел на нет, и переснять эту сцену с другим исполнителем было невозможно. Так Рязанов поставил студию перед свершившимся фактом. «Добро» на участие Ильинского в фильме наконец было получено. Но это был еще не конец истории.

Когда фильм был уже снят и готовился к выходу на экран, до Рязанова стали доходить слухи, что министр культуры Екатерина Фурцева картиной очень недовольна. Что же ее

так возмутило? Оказывается, именно приглашение на роль Кутузова Игоря Ильинского. По мнению госпожи министерши, таким образом Рязанов искажил образ великого русского полководца, оклеветал его перед современниками. В личной беседе с Рязановым Фурцева заявила: «Я очень люблю Ильинского, он – превосходный комик, но Кутузов... Это бестактно! Зритель будет встречать его появление хохотом». И Фурцева потребовала от Рязанова переснять сцены, в которых снимался Ильинский. В противном случае, заявила она, премьеры фильма не будет. Рязанов был сражен, что называется, наповал. Как мы помним, сцены с Ильинским снимались зимой, а на дворе теперь стоял август и до ближайшего снега как минимум месяца три. Но не это страшило больше всего Рязанова. А то, как он объяснит все происшедшее самому Ильинскому.

Готовый фильм спасло чудо. В те дни приближалась славная дата – 150-летие Бородинского сражения, – и сотрудники газеты «Известия» изъявили желание посмотреть «Гусарскую балладу» в своем редакционном кинозале. Так как главным редактором газеты в ту пору был зять самого Н. Хрущева Алексей Аджубей, Рязанов не смог отказать в этой просьбе. Фильм отправили на Пушкинскую площадь. И произошло чудо. Картина произвела на журналистов прекрасное впечатление, и спустя два дня после просмотра в «Неделе» (субботнее приложение «Известий») появилась небольшая хвалебная рецензия на нее. При этом

особенно лестных слов был удостоен Игорь Ильинский за роль Кутузова. Так был дан «зеленый свет» выходу фильма на широкий экран.

Стоит отметить, что в фильме Ильинский играл седовластого старика, хотя сам в те годы выглядел гораздо моложе своих пятидесяти лет. Секрет был прост – Ильинский всю жизнь увлекался спортом. Недалеко от дома, в котором он жил, зимой заливали каток (Петровка, 24), а летом был теннисный корт. Точно такой же корт Ильинский сделал и у себя на даче. Любимым его партнером по теннису был прославленный спортивный комментатор Николай Озеров.

Ильинский обожал не только заниматься спортом, но и следить за спортивными баталиями других. Он был заядлым болельщиком и особое предпочтение отдавал футболу и хоккею. В 1966 году он даже ездил в Лондон на чемпионат мира по футболу. Кстати, отправился он туда не один, а со своим сыном Володей. Причем поначалу сына не хотели выпускать за границу – ему в ту пору было всего 14 лет. Однако Ильинский поступил хитро. Он обратился за помощью к своему соседу по даче во Внукове министру обороны СССР маршалу Андрею Гречко, и вопрос был улажен в течение нескольких дней.

Вспоминает В. Ильинский: «Он с нами, мальчишками, играл во все дворовые игры. Нам было лет по 17–18, а он в возрасте. Я помню, что безумно захотелось показать свою удаль молодецкую, и я применил силовой прием. Отец упал, и у

него дня два болела сильно рука. В теннис он меня все равно запросто обыгрывал...»

В том же 1966 году Ильинский как режиссер поставил на сцене Малого театра пьесу Н. Гоголя «Ревизор». По мнению большинства специалистов, эта постановка стала одной из самых удачных в репертуаре прославленного театра. Сам Ильинский сыграл в этом спектакле роль Городничего.

К сожалению, новая режиссерская работа Ильинского в кино оказалась значительно слабее театральной. Речь идет о комедии «Старый знакомый», снятой Ильинским в 1969 году. В этом фильме Ильинский попытался реанимировать своего «старого знакомого» – бывшего директора ДК Серафима Огурцова, ныне ставшего руководителем парка развлечений. Но «реанимация» завершилась, мягко говоря, провалом. Несмотря на звездный ансамбль актеров, собранных в картине (помимо Ильинского в нем снимались Николай Рыбников, Мария Миронова, Сергей Филиппов, Владимир Этуш, Евгений Моргунов, Наталья Селезнева, Феликс Яворский), фильм не получился. Эта неудача навсегда развела Ильинского с кинематографом. В 70-е годы он нигде не снимался, предпочитая отдавать все свои силы работе в театре и на телевидении. Лучшей работой Ильинского-актера в те годы стала роль Льва Толстого в спектакле «Возвращение на круги своя».

По словам близких, в те годы Ильинский стал иначе относиться к своим ранним фильмам, которые принесли ему

славу. Некоторые из них (особенно «Праздник святого Йоргена») ему было стыдно смотреть. Когда их показывали по телевидению, он просил близких выключить телевизор. «Не могу смотреть этот балаган», – говорил он.

В 1974 году Ильинскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 80-е годы из-за ухудшения здоровья Игорь Владимирович редко выходил на сцену. В тех же случаях, когда это происходило, для него специально ставили за кулисами маячок, чтобы он на него выходил со сцены. Он уже почти не видел: отслоилась сетчатка, зрение стало минус 16.

Скончался И. Ильинский 14 января 1987 года. В Малом театре, где покойный проработал почти 50 лет, состоялась панихида.

Вспоминает Э. Рязанов: «Я был выступальщиком от кино. Когда я в своей речи прощался с Игорем Владимировичем, мне пришла в голову кощунственная ассоциация: гроб на сцене, переполненный публикой театр – это было как последний печальный спектакль с участием великого Артиста. И я обратился к залу с просьбой проводить Ильинского так, как его приветствовали в конце спектаклей после триумфальных ролей. И весь театр немедленно откликнулся. Встали и начали аплодировать в партере. Поднялись со своих мест те, кто сидел в бельэтаже. На всех ярусах, один за другим, скорбно вставали пришедшие на последнее свидание с Ильинским зрители. (А как их еще назовешь?!) Бур-

ная, долгая, неистовая, в чем-то, может, истерическая овация гремела под сводами Малого театра. Этими аплодисментами, такими привычными при жизни, этими последними аплодисментами зал выразил свою любовь, восхищение актерским подвигом, огромное уважение к долголетнему бескорыстному служению искусству этого скромного человека. Долго грохотали рукоплескания, в которых ощущались горечь и боль расставания...»

Р. С. После смерти И. Ильинского у него на сберегательной книжке осталось 18 тысяч рублей. Когда в начале 90-х стали выдавать деньги по старым вкладам, его супруга Татьяна Еремеева получила миллион рублей новыми. Чуть позже она решила поставить памятник на могиле мужа. Однако денег уже не хватило. Помог тогдашний министр культуры СССР Николай Губенко, который выделил некоторую сумму, да еще вдова артиста продала две старинные вазы. Так на могиле И. Ильинского появился памятник.

Сын Владимир по стопам родителей не пошел. Несмотря на то что отец еще в конце 60-х пытался устроить сына во ВГИК (даже договорился об этом с Г. Чухраем), Владимир решил все по-своему – поступил в институт иностранных языков. Причем без всякого блата. Окончив его, работал в АПН, писал в основном о спорте. В 90-е годы пришел работать на радиостанцию «Эхо Москвы», вел несколько передач о молодежной музыке: «Битловский час», «Братья по оружию». У него растут двое сыновей – Антон и Игорь.

Любовь Орлова

Любовь Петровна Орлова родилась 11 февраля 1902 года в подмосковном городе Звенигороде в семье интеллигентов. Отец будущей советской кинозвезды – Петр Федорович Орлов – был потомком тверской ветви Рюриковичей. Он служил в военном ведомстве. Мать – Евгения Николаевна Сухотина – происходила из старинного дворянского рода. В родстве с Сухотиными был Лев Толстой, книга которого («Кавказский пленник») с дарственной надписью хранилась как реликвия в доме Орловых.

Родители хотели, чтобы дочь стала профессиональной пианисткой, и в семилетнем возрасте отдали ее в музыкальную школу. По одному из семейных преданий, однажды в их доме гостил Ф. И. Шаляпин, которому показали оперетту «Грибной переполох», поставленную любительским детским театром. В этом спектакле маленькая Любочка исполняла роль Редьки. После окончания представления Шаляпин вдруг поднял Любу на руки и произнес пророческую фразу: «Эта девочка будет знаменитой актрисой!» Чтобы эти слова великого певца сбылись, Л. Орловой понадобилось ровно двадцать пять лет.

Эти годы вместили столько событий, что только перечисление их заняло бы не одну страницу. Поэтому я ограничусь лишь самыми важными датами в жизни нашей героини. Пе-

ред самой революцией семья Орловых снялась с насиженно-го места и подалась в Воскресенск, где жила сестра Евгении Николаевны. В 17 лет Орлова поступила в Московскую консерваторию (класс рояля), где проучилась три года (1919–1922). Это было тяжелое время, шла гражданская война, и Люба Орлова хлебнула трудностей в избытке. Чтобы хоть чем-то помочь семье, она (вместе с племянницей Нонной) возила на продажу молоко в тяжелых бидонах, отчего руки ее, некогда красивые и холеные, стали корявыми. В свободное от учебы время юная Орлова вынуждена была подрабатывать в кинотеатрах в качестве тапера (в 1923 году в кинотеатре «Унион», потом называвшемся Кинотеатром повторного фильма) или танцевать на эстраде. Закончив консерваторию, Орлова следующие три года своей жизни посвятила балету и училась на хореографическом отделении Московского театрального техникума. После его окончания в 1926 году она была принята хористкой в Музыкальную студию при МХАТе.

Замуж Орлова вышла в 1926 году, она связала свою судьбу с видным партийным чиновником 29-летним Андреем Берзиным (он служил в Наркомземе и руководил отделом производственного кредитования). Этот брак Орловой можно смело назвать карьерным, вынудила 24-летнюю девушку на это беспросветная нужда. Познакомились они банально: Берзин пришел в театр, и кто-то из друзей после спектакля привел его за кулисы и познакомил с молодой актрисой. Они

начали встречаться, и вскоре Берзин был представлен родителям актрисы (Орловы тогда только переехали из коммуналки в проезде Художественного театра в отдельную квартиру в Гагаринском переулке). Симпатичный и, главное, при солидной должности, Берзин понравился родителям Орловой, и они посоветовали дочери не тянуть со свадьбой. Вскоре молодые люди поженились, и Орлова переехала в квартиру мужа в Колпачном переулке.

Молодые жили, что называется, душа в душу, в чем была немалая заслуга Орловой. Она успевала и в театре играть, и за хозяйством приглядывать. Берзин все больше и больше уходил в политику, став в конце 20-х годов заместителем наркома земледелия. В итоге политика его и погубила. Он имел несчастье вступить в ряды оппозиции, за что немедленно поплатился. 4 февраля 1930 года Берзин был арестован по «делу Чаянова» (нарком земледелия) и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. Орлова осталась у разбитого корыта. Поскольку служебную квартиру Берзина сразу после его ареста конфисковали, Орлова вынуждена была вернуться в дом своих родителей в Гагаринском переулке.

Между тем несчастья семейной жизни совсем не отразились на творческой активности актрисы. Более того, может быть, именно эти обстоятельства и активизировали желание Орловой утвердить себя на сцене. Будучи артисткой хора и кордебалета, она была занята в основном в эпизодических

ролях. Однако даже в этих ролях ее музыкальный и драматический талант многим бросался в глаза. С каждым годом Орлова все увереннее шла к тому, чтобы стать «примой» (до нее в этом звании долгое время были сначала актриса Ольга Бакланова, а затем Анна Кемарская). Но Ольга ушла из театра (чем повергла в шок своего учителя и любовника В. Немировича-Данченко) и в середине 1926 года уехала в Голливуд. Внешне они с Орловой были очень похожи, и это сходство впоследствии некоторыми критиками ставилось звезде советского экрана в упрек. Говорили, что Орлова копирует облик и манеру игры знаменитой О. Баклановой. Но это произойдет в середине 30-х. А пока Орлова была только на пути к славе.

Педагогом Орловой в театре была К. И. Котлубай. Подготовленная с ней роль Периколы в одноименной оперетте Жака Оффенбаха вывела Орлову из состава хора и сделала солисткой. Это случилось в 1932 году. Успех актрисы был ошеломляющим. Ей предложили главные роли в «Корневильских колоколах» (Серполетта), в «Дочери мадам Анго» (Герсилья), в «Соломенной шляпке» (Жоржетта). По одной из версий, стремительному взлету Орловой к вершинам славы немало способствовал увлекшийся ею руководитель театра Михаил Немирович-Данченко (сын прославленного режиссера). Многим тогда казалось, что эта связь в конце концов придет к своему логическому концу – свадьбе. Однако этого так и не произошло. Вскоре у Орловой появился новый воз-

любленный. Им оказался некий австрийский бизнесмен, который воспылал любовью к красивой и талантливой актрисе. Начался короткий, но пылкий роман, о котором тогда многие судачили. Почти каждый вечер после спектакля австриец возил Орлову на своем «Мерседесе» в ресторан, и только поздно ночью они возвращались к дому актрисы в Гагаринском переулке. Сегодня трудно понять, какие надежды возлагала Орлова на своего возлюбленного (может быть, мечтала уехать с ним за границу?), тем не менее, несмотря на упреки родителей, она в течение нескольких месяцев продолжала встречаться с австрийцем.

Что касается творческих устремлений Орловой в те годы, то, видимо, полного удовлетворения от работы она не испытывала. В стенах театра ей становилось тесно. Ей вдруг захотелось сняться в кино. Однако, когда она попыталась это осуществить, ее ждало разочарование. Вот что рассказывала об этом сама Орлова: «В киностудии попала в длинную очередь: был объявлен набор молодых исполнителей для очередной картины. С трудом скрывая свою робость, я очутилась перед режиссером – человеком со взглядом решительным и всезнающим. Когда он обратил на меня свой испытующий и пронзительный взор, я почувствовала себя как бы сплюснутой между предметными стеклами микроскопа.

– Что это у вас? – строго спросил режиссер, указывая на мой нос.

Быстро взглянула я в зеркало и увидела маленькую родин-

ку, о которой совершенно забыла, – она никогда не причиняла мне никаких огорчений.

– Ро... родинка, – пролепетала я.

– Не годится! – решительно сказал режиссер.

– Но ведь... – попыталась я возразить.

Однако он перебил меня:

– Знаю, знаю! Вы играете в театре, и родинка вам не мешает. Кино – это вам не театр. В кино мешает все. Это надо понимать!

Я поняла лишь одно: в кино мне не сниматься, а поэтому надо поскорее убраться из студии и больше никогда здесь не показываться. И я дала себе клятву именно так поступить».

К счастью, вскоре Орлова все-таки нарушила клятву: в 1933 году режиссер Борис Юрцев пригласил ее на роль миссис Эллен Гетвуд в немом фильме «Любовь Алены» (эта лента не сохранилась). Затем последовала роль Грушеньки в звуковом фильме «Петербургская ночь». Обе картины вышли на экраны страны в 1934 году, однако того успеха, который Орлова имела на театральных подмостках, они ей не принесли. И лишь в конце декабря 1934 года, когда на экраны вышел фильм «Веселые ребята», к Орловой пришла настоящая кинослава.

Этот фильм снял 31-летний Григорий Александров (Мормоненко). В кино он пришел в 1924 году вместе с Сергеем Эйзенштейном, с которым они вместе сняли легендарный «Броненосец „Потемкин“» (1925). О том, как они познакоми-

лись (в мастерской В. Мейерхольда в 1922 году), есть любопытное описание в книге Доминика Фернандеса „Эйзенштейн“: „Их первая встреча ознаменовалась дракой. В то голодное время в театр брали еду. Каждый тщательно прятал от других свой завтрак. Однажды вечером Эйзенштейн забыл убрать в надежное место краюху черного хлеба. Александров попытался наложить на нее лапу. Молодые люди „сцепились как звери“, как говорит Мари Сетон. Потом молодой актер признался, что не ел два дня, и Эйзенштейн отдал ему свою краюху“.

В дальнейшем двое молодых людей сблизились настолько, что в кинематографических кругах ходили слухи об их гомосексуальной связи. Как пишет все тот же Д. Фернандес, «Григорий Александров, которому тогда было двадцать девять лет, обладал мужественными и правильными чертами лица, телом атлета и прекрасными белокурыми волосами. Именно после драки, как пишет Сетон, Эйзенштейну открылось физическое очарование молодого человека, исходивший от него соблазн, животный магнетизм».

Между тем, несмотря на слухи об отношениях с Эйзенштейном, Александров в середине 20-х годов женился на молодой актрисе, которая вскоре родила ему сына. Мальчика назвали сначала Василием, однако затем по желанию отца переименовали в Дугласа – в честь знаменитого в те годы американского актера Дугласа Фербенкса.

В 1927 году на экраны страны вышел еще один фильм

двух молодых режиссеров – «Октябрь». В 1929–1932 годах оба режиссера находились в служебной командировке в США, где постигали премудрости ремесла в Голливуде.

Вернувшись из Америки, Александров был полон идей и мечтал снять фильм, непохожий на то, что он снимал до этого. Так появилась мысль о первой советской музыкальной кинокомедии. Сценаристами Н. Эрдманом и В. Массом в течение двух месяцев был написан сценарий «Веселых ребят», и режиссер приступил к поискам исполнителей главных ролей. Эта работа была не из легких. Если с исполнителем главной мужской роли (Кости Потехина) дело быстро разрешилось (им стал солист Ленинградского мюзик-холла Леонид Утесов), то на главную женскую роль (Анюты) актрису долго не удавалось найти. Пробовались несколько девушек, среди которых были не только актрисы, но и люди, не имеющие никакого отношения к кино. Сам Александров так вспоминал об этом:

«До Москвы дошел слух, что в Раменском районе есть девушка-трактористка, поражающая всех своими песнями и плясками. По нынешним временам она обязательно вышла бы в лауреаты республиканского, а то и всесоюзного масштаба, а тогда...

Мы приехали в Раменское. Для нас организовали что-то вроде смотра сельской художественной самодеятельности. Выступал колхозный ансамбль, и девушка эта пела и танцевала. Способности у нее были действительно выдающиеся,

и я решил вызвать ее на «Москинокомбинат» на пробу. Но директор МТС не отпустил девушку в Москву, мотивировав это примерно так: «Нечего ей тут горло драть, пусть как следует на тракторе работает. Тоже мне – артистка!»

Поиски актрисы на главную роль грозили перейти в разряд вечных. И тут в дело вмешался случай.

В один из весенних дней 1933 года художник Петр Вильямс посоветовал Александрову сходить в музыкальный театр при МХАТе, где в спектакле «Перикола» блистала 30-летняя Любовь Орлова. Режиссер пришел на спектакль и сразу же был пленен не только талантом актрисы, но и ее внешностью. Сомнений не осталось. В тот же день они познакомились, а уже следующим вечером вместе отправились в Большой театр на торжества, посвященные юбилею Л. В. Собинова. Вот как вспоминает об этом сам Г. Александров: «Во время концерта, в котором участвовали все тогдашние оперные знаменитости, я острил и предавался воспоминаниям.

Иронические реплики в адрес гигантов оперной сцены, воспоминания о пролеткультовских аттракционах не вызвали особых симпатий у моей спутницы, получившей классическое музыкальное воспитание и начинавшей работу в театре под руководством Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Но я не отступал от своего и во время концерта и на банкете продолжал азартно рассказывать ей о задуманных озорных сценах будущего нашего фильма «Веселые ре-

бьята». Она с ужасом и нескрываемым сомнением в реальности моих планов слушала. Я говорил и говорил, потому что на мое предложение сниматься она сказала: «Нет».

Кончился банкет, мы вышли на улицу и до рассвета бродили по Москве. Любовь Петровна рассказывала о себе... В конце концов она согласилась сниматься в моем фильме, но прежде спросила:

– Я чувствую, что мы часто будем спорить. Это не мешает работе?

Я и сам это чувствовал, но что мне оставалось делать? Я, конечно же, произнес расхожую мудрость:

– В спорах рождается истина».

Между тем существует несколько версий о том, каким образом Орлова познакомилась с Александровым. Только что мы познакомились с одной из них, принадлежащей Александрову. Теперь познакомимся с другими. Согласно одной из легенд, инициатива знакомства с молодым талантливым режиссером принадлежала самой Орловой. Однажды она пришла на киностудию и смело предложила себя на роль Анюты. Тут же была сделана кинопроба, которая Александрову совершенно не понравилась – Орлова его не впечатлила.

Однако, потерпев неудачу, актриса не собиралась отступать. Имея богатый опыт в соблазнении мужчин с солидным положением (вспомним, что в числе ее возлюбленных успели побывать видный политик, бизнесмен-иностранец, театральный режиссер), Орлова предприняла новую попытку. На

этот раз она воспользовалась услугами своей близкой знакомой – режиссера студии документальных фильмов Лидии Степановой. Та хорошо знала Александрова и как-то раз пригласила его к себе на чашку чая. Естественно, в тот же вечер к ней зашла и Орлова. Дальнейшие события развивались по классической схеме. Степановой вдруг понадобилось срочно куда-то уйти, актриса и режиссер остались наедине. Через несколько дней после этой встречи Орлова была утверждена на роль Анюты.

Натурные съемки «Веселых ребят» проходили летом в Гаграх. За развитием романа затаив дыхание наблюдал весь съемочный коллектив. На съемках у Александрова появился соперник – оператор Владимир Нильсен, который тоже увлекся Орловой, но она безоговорочно отдала предпочтение Александрову. И тот ответил ей тем же. Несмотря на то что рядом с ним находились жена и маленький сын, он не скрывал своих симпатий к Орловой и делал все, чтобы она чувствовала себя на площадке не дебютанткой, а настоящей хозяйкой. В частности, первоначально эпизодов с участием Утесова в фильме было задумано больше, чем с Орловой, однако режиссер изменил сценарий в пользу своей новой привязанности. Короче, все шло к тому, чтобы в советском кинематографе состоялась новая семейная пара. Так и произошло: сразу после того, как картина была снята, Орлова и Александров поженились.

Съемки «Веселых ребят» были полны самых разнообраз-

ных курьезов, недоразумений и даже несчастий. Во время знаменитого «набега животных» на усадьбу Орлова должна была вскочить на спину быка и проехать на нем несколько метров. Первоначально в роли «укротителя» должен был выступить Утесов, но он от этого трюка наотрез отказался. И тогда на спину быка вскочила Орлова. Бык воспринял это крайне агрессивно и сбросил с себя наездницу. Актриса сильно ушибла спину и около месяца пролежала в больнице.

Фильм «Веселые ребята» был окончательно завершён осенью 1934 года. Тогда же его показали высокому начальству – наркому просвещения А. Бубнову и начальнику Отдела пропаганды ЦК ВКП(б) Стецкому. После просмотра представительная комиссия назвала картину «контрреволюционной и хулиганской». Её ждала печальная участь. Однако начальник Главного управления культуры Б. Шумяцкий 28 июля 1934 года написал письмо самому Сталину, чтобы тот разобрался лично. Перед этим её посмотрел М. Горький, который пришёл в восторг, но последнее слово было за Сталиным. И это слово оказалось настолько одобрительным (Сталин произнес: «Будто в отпуске побывал!»), что картину решено было показывать не только в СССР, но и послать на фестиваль в Венецию. На этом фестивале «Веселые ребята» произвели фурор, никто не ожидал от мрачного сталинского режима такой веселой, искрометной комедии (не случайно на Западе фильм носил название «Москва смеется»). В декабре того же года фильм вышел и на экраны страны (было

сделано 5737 копий).

После триумфа «Веселых ребят» Орлова кометой ворвалась в тогдашнюю советскую кинотусовку. К 15-летию советского кинематографа, которое отмечалось в январе 1935 года, ей было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Это было тем более удивительно, что рядом с нею в списке награжденных стояли признанные мэтры кино: Я. Протазанов, С. Юткевич, Л. Кулешов. Однако Орлова чрезвычайно понравилась Сталину, и он лично распорядился наградить актрису-дебютантку столь высоким званием. После этого вождь пригласил Орлову на торжественный прием в Кремль. Там они и познакомились. Сталин изъявил желание побеседовать с актрисой, ее подвели к нему, и он спросил у нее, есть ли у нее какая-нибудь просьба к нему. Будучи в хорошем настроении, он пообещал: «Выполню любую». В такие моменты молодые звезды обычно просили у вождя квартиры, звания или еще что-то в этом роде. Орлова же произнесла нечто неожиданное: «Иосиф Виссарионович, шесть лет назад арестовали моего первого мужа – Андрея Берзина. Я ничего не знаю о его судьбе. Не могли бы вы помочь мне связаться с ним». Сталин удивился, но помочь обещал. Вскоре Орлову вызвали на Лубянку, и один из чекистских начальников сообщил ей, что ее бывший муж жив и, если у нее есть такое желание, она хоть сегодня может с ним воссоединиться. То есть ей предлагали разделить с ним его судьбу. Она ничего не ответила, встала и молча покинула

кабинет. Ей было довольно и того, что она узнала – ее бывший муж жив. (В конце 40-х годов его все-таки выпустят на свободу, но в Москву приехать не разрешат. Он уедет к матери в Литву, где вскоре умрет от рака.)

Между тем в конце 30-х годов Орлова вознеслась на вершину кинематографического Олимпа. Один за другим выходят фильмы Александра с ее участием, и каждый из них становится шедевром: «Цирк» (роль Марион Диксон, 1936), «Волга-Волга» (Стрелка, 1938).

Сталин продолжал оставаться горячим поклонником актрисы. Особенно нравился ему фильм «Волга-Волга». Г. Александров в связи с этим рассказывал: «Однажды по окончании приема в Георгиевском зале Кремля в честь участников декады украинского искусства И. В. Сталин пригласил группу видных деятелей культуры в свой просмотровый зал. Там были Немирович-Данченко, Москвин, Качалов, Корнейчук и многие другие видные деятели искусства. Сталин не первый раз смотрел „Волгу-Волгу“. Он посадил меня рядом с собой. По другую сторону сидел В. И. Немирович-Данченко. По ходу фильма Сталин, делясь с нами своим знанием комедии, своими чувствами, обращаясь то ко мне, то к Немировичу-Данченко, полусшепотом сообщал: „Сейчас Бывалов скажет: „Примите от этих граждан брак и выдайте им другой“. Произнося это, он смеялся, увлеченный игрой Ильинского, хлопал меня по колену. Не ошибусь, если скажу, что он знал наизусть все смешные реплики этой киноко-

медии“.

Однако даже расположение Сталина не спасло Орлову от того, чтобы однажды не оказаться «распятой» на страницах газеты «Советское искусство». Случилось это в июне 1938 года, и предшествовали тому не менее драматичные события.

Став завсегдатаем богемных пиршеств, славившихся разнообразием снеди и выпивки, Орлова вскоре утратила чувство меры. Она настолько пристрастилась к алкоголю, что к возвращению Александрова с работы бывала уже пьяна, в одиночку осушив несколько рюмок вина. Именно тогда их брак дал первую трещину.

Каким образом Александрову удалось спасти жену от пагубного пристрастия, остается загадкой. Скорее всего он просто пригрозил ей загубленной карьерой, которая для Орловой всегда была превыше всего. Однако вскоре случилась новая беда.

Летом 1938 года «звездная» чета решила построить дачу во Внукове, а это стоило больших денег. Надо было зарабатывать, причем как можно быстрее. И Орлова нашла выход. В те годы она часто гастролировала по стране с творческими вечерами; ее концертная ставка по сравнению с другими артистами была довольно высокой – 750 рублей. Однако в создавшейся ситуации этих денег актрисе не хватало. Поэтому в апреле того года, устраивая свои гастролы в Киеве, она потребовала платить ей за концерт... 3300 рублей. Сум-

ма была астрономическая, но Орловой пошли навстречу. И ей это понравилось. В следующем месяце она должна была приехать с концертами в Одессу и установила новую цену на свои выступления – 3000 рублей, не считая проездных, суточных и т. д. Однако здесь ее ждало разочарование. Руководство Одесской филармонии отказалось работать с Орловой на таких условиях, сославшись на нехватку денег. Но Орлова нашла выход и из этой ситуации. Она связалась с председателем месткома филармонии и договорилась о проведении концертов с ним. В результате за восемь концертов ей должны были заплатить 24 тысячи рублей.

Пускаясь во все тяжкие ради строительства дачи, Орлова, видимо, была уверена в том, что подобное «левачество» сойдет ей с рук. Но ей не повезло. Эта история дошла до ЦК, и было принято решение знаменитую артистку осадить. 10 июня в газете «Советское искусство» появилась статья под названием «Недостойное поведение». После чего Орлова ушла в тень, а Александрову, несмотря на его связи, стоило большого труда защитить свою супругу от дальнейших нападков. В конце концов эта история благополучно забылась. «Звездная» чета достроила свою двухэтажную дачу, а в 1939 году приступила к очередным съемкам.

Основой для нового фильма стала пьеса В. Ардова «Золушка», в которой рассказывалось о том, как неграмотная, но трудолюбивая девушка Таня, приехав из деревни в город, сумела дорасти сначала до знатной ткачихи, а затем и

до депутата Верховного Совета. Картина должна была называться, как и пьеса, однако Сталин это название забраковал. Он сам составил список из двенадцати приемлемых, на его взгляд, названий и отослал Александрову. Тот выбрал «Светлый путь». «Главкинопрокат» это огорчило: там уже заранее приготовили рекламные духи и спички с названием «Золушка».

Приступая к съемкам каждого своего фильма, Орлова пыталась как можно глубже войти в образ персонажа. Для этого она на некоторое время буквально перевоплощалась в него. Так, перед съемками «Волги-Волги» Орлова несколько дней ходила по городу с сумкой писмоносицы и разносила по домам почту. Перед съемками «Светлого пути» актриса три месяца проработала в Московском научно-исследовательском институте текстильной промышленности под руководством стахановки-ткачихи О. Орловой. В своей сумке актриса держала моток ниток и без устали вязала ткацкие узлы. Такими узлами она даже перевязала дома бахромую скатерть, полотенце, занавесей.

И все же в отличие от других тогдашних звезд советского кино (М. Ладыниной или Т. Макаровой) Орлова даже в ролях простых советских тружениц несла в себе «голливудское» начало, была кукольно красива и музыкальна. Часть зрителей именно за эту чужеродность не любила ее, однако число горячих поклонников актрисы было значительно больше. Среди женского населения тогдашнего СССР даже по-

явилась душевная болезнь, которую медики нарекли синдромом Орловой. Она выражалась в маниакальном желании во всем походить на знаменитую актрису (для этого фанатки специально высветляли себе волосы). Известны случаи, когда эти больные женщины, узнав адрес актрисы, приезжали к ней в дом на Большой Бронной или на дачу во Внукове. Среди них были две особо назойливые дамы, которые долго не давали Орловой спокойно жить. Одна из них постоянно звонила актрисе по телефону и, копируя ее голос, произносила целые монологи из ее ролей и даже пела.

Мало кто знает, но в конце 30-х годов Орлова снялась и в одном из первых советских кинодетективов. В 1939 году на экраны страны вышел фильм режиссера А. Мачерета «Ошибка инженера Кочина», в котором Орловой досталась отрицательная роль Ксении Лебедевой. Будучи женой шпиона, она помогает ему в его вредительских делах. Сценарий фильма был написан по откровенно слабой пьесе «Очная ставка» братьев Тур и Льва Шейнина. Когда Орловой предложили сыграть в фильме главную роль, она какое-то время колебалась. Но Мачерет ее уговорил. Она потом рассказывала: «Конечно, это была не моя роль, но я согласилась потому, что Мачерет – старейший наш режиссер, у него некогда ассистентом начинал сам Михаил Ильич Ромм. А сценаристом был Юрий Олеша».

Фильм «Ошибка инженера Кочина» не имел серьезного успеха даже в то время, однако работа Орловой выделялась

в нем психологической достоверностью.

В том же году увидела свет и первая книга о Л. Орловой: это была брошюра Г. Зельдовича «Любовь Орлова», изданная тиражом пять тысяч экземпляров.

Я уже отмечал, что успешной карьерой Орловой способствовало то, что к ней восторженно относился сам Сталин. Между тем и Александров никогда не упускал случая быть поближе к вождю. А. Бернштейн по этому поводу писал: «Обаятельный, улыбчивый, умеющий чувствовать политическую конъюнктуру, Александров гораздо чаще, чем его коллеги, общался с кинематографическим начальством и партийными работниками высокого ранга, умело создавая себе авторитет. Он был художественно восприимчивым, музыкальным человеком, но очень любил прихвастнуть, покровиться, подчеркнуть свои действительные и мнимые заслуги, и над ним то доброжелательно посмеивались, то порой осуждали Нильсен, Лебедев-Кумач, Эрдман, Утесов, Дунаевский».

В 1941 году, перед самой войной, Орлова была удостоена Сталинской премии за участие в двух фильмах: «Волга-Волга» и «Светлый путь». А затем началась война. Ее начало застало актрису и ее мужа в Риге. Оттуда они трое суток под бомбежками добирались сначала до Минска, затем до Москвы. Здесь «звездная» пара не сидела сложа руки. Александров, как и многие мужчины, записался в отряд противовоздушной обороны, дежурил на крышах. Во время одного та-

кого дежурства, в августе, он едва не погиб: взрывной волной его перебросило с одной секции крыши на другую. Александров получил контузию и серьезное повреждение позвоночника.

Как режиссер он снял тогда «Боевой киносборник № 4», в котором Орлова выступила в качестве ведущей. Когда фашисты подступили к столице и в городе началась паника (16 октября), кому-то из высоких начальников пришла в голову мысль: чтобы успокоить жителей, надо расклеить на стенах гастрольные афиши Орловой. И действительно, на многих эти плакаты подействовали отвращающе – если сама Орлова в городе, город не сдадут, бояться нечего.

И все же осенью 1941 года Орловой и Александрову пришлось покинуть Москву. Хотя «Мосфильму» было предписано эвакуироваться в Алма-Ату, они отправились в Баку, где Александров стал директором и художественным руководителем местной киностудии. Вскоре он приступил к съемкам фильма под названием «Одна семья». Однако на экраны он тогда так и не вышел. Приемочная комиссия, просмотревшая его, вынесла безжалостное резюме: «Фильм слабо отражает борьбу советского народа с немецкими оккупантами». И картину положили на полку. Единственный случай подобного рода в карьере известного режиссера и его не менее прославленной жены.

В 1942 году Орлова с гастрольями посетила Тегеран, где имела оглушительный успех. Она стала первой советской ак-

трисой, которую признали на Востоке.

После войны карьера «звездной» пары успешно продолжилась. В 1946 году супруги уехали в Чехословакию, где на студии «Баррандов» сняли новую комедию – «Весна». Орлова сыграла в ней сразу две роли – ученой Никитиной и актрисы Шатровой. Однако съемки картины едва не закончились печально. Однажды Александров, Орлова и актер Н. Черкасов (он также играл в фильме одну из центральных ролей) возвращались на машине со съемок. Дорога была мокрой, и на одном из поворотов автомобиль выбросило в кювет. В результате Александров получил перелом ключицы, у Черкасова было ранено лицо, выбито несколько зубов. Сидевшая на заднем сиденье автомобиля Орлова практически не пострадала. Однако съемки картины пришлось остановить, так как двое участников фильма очутились в больнице. Но все обошлось. В 1947 году «Весна» вышла не только на экраны в СССР, но и за границей. В том же году фильм демонстрировался на фестивале в Венеции, где Орлова получила специальный приз за исполнение лучшей женской роли (с ней эту награду тогда разделила И. Бергман). Успех сопутствовал фильму и в Марианских Лазнях в августе 1947, и в Локарно в июле 1948 года.

Уже во время съемок «Весны» Орлова почувствовала, что ее время в кинематографе иссякает. Ей требовалось новое место для приложения творческих сил, и этим местом должен был стать театр – Театр имени Моссовета. Видимо, что-

бы облегчить своей супруге приход в него, Александров пригласил в «Весну» несколько актеров этого театра. Ростислав Плятт и Фаина Раневская сыграли в фильме, а режиссера театра И. Анисимову-Вульф Александров сделал своей помощницей на съемочной площадке.

Первой ролью Орловой на сцене Театра имени Моссовета стала роль Джесси Смит в спектакле «Русский вопрос» по пьесе К. Симонова. По словам режиссера Ю. Завадского, Орлова поначалу вела себя на репетициях наивно, не схватывала роль в целом, репетировала кусками. Однако в дальнейшем актриса сумела справиться с собственной беспомощностью и прекрасно сыграла в спектаклях «Сомов и другие» (Лидия), «Кукольный дом» (Нора) и др.

Последние годы правления Сталина Александров и Орлова буквально купаются в лучах славы. В 1948 году Александров получает звание народного артиста СССР, в 1950 году его вместе с супругой награждают Сталинской премией за фильм «Встреча на Эльбе» (в нем Орлова впервые со времен «Цирка» играла иностранку – американку Джанет Шервуд). Орлова отмечала: «Роль была для меня очень трудна. Если в подавляющем большинстве прежних я сживалась с моими героинями, рождалась с ними, то, играя Коллинз-Шервуд, мне пришлось как бы отрешиться от самой себя, переселиться в чужую и чуждую мне душу».

С этой картиной связан один занятный эпизод. Когда фильм был полностью смонтирован, его показали членам

Политбюро. Решающее слово, как всегда, было за Сталиным. Когда в зале зажегся свет, он повернулся к Александрову и посоветовал ему вырезать из фильма эпизод пьяного разгула в американском офицерском клубе (в этом эпизоде разошедшийся Эраст Гарин срывал со стола скатерть, под звуки джаза танцевали полуголые девицы). Свою просьбу Сталин мотивировал просто: «В этом эпизоде вы, товарищ Александров, незаметно для себя пропагандируете американский образ жизни». И эту сцену из фильма вырезали. Однако каково же было удивление Александрова, когда во время очередных ночных посиделок на даче у Сталина тот сообщил, что сейчас они пройдут в просмотровый зал и увидят фрагмент, который не вошел в фильм «Встреча на Эльбе». Это был эпизод пьяного разгула.

Между тем с 1951 года Александров начинает преподавать во ВГИКе, тогда же получает звание профессора, а в 1954 году вступает в КПСС. Вместе с женой он разъезжает по миру, всем своим видом демонстрируя торжество советской демократии. В личных друзьях кинозвезд числятся многие мировые знаменитости, в частности Чарли Чаплин. Однако в самом СССР, в кинематографическом мире, у этой «звездной» пары практически нет настоящих друзей. Может быть, поэтому все встречи Нового года они предпочитали проводить вдвоем. Проходили они одинаково: за десять минут до боя курантов супруги выходили из дома во Внукове (улица Лебедева-Кумача, 14), поздравляли друг друга, цело-

вались и молча стояли, держась за руки. Затем гуляли по парку.

Еще при жизни Орловой многие отмечали, что про нее никогда не ходило грязных сплетен. Ее союз с Александровым был настолько прочен и идеален, что худая молва к ним не приставала. Можно отметить беспрецедентный факт в биографии актрисы: ни в одном фильме ее героини ни с кем не целуются!

Между тем уже тогда среди киношной братии ходили разговоры о том, что великая любовь Орловой и Александрова не что иное, как легенда, которую они сами усиленно пестуют. Во всяком случае, многие из тех, кто бывал в их доме, удивлялись, что супруги спят на разных кроватях в разных комнатах, обращаются друг к другу исключительно на «вы». Хотя вполне вероятно, что подобные разговоры вели завистники «звездной» четы, которых всегда было предостаточно.

Практически всю свою кинокарьеру Орлова боролась за то, чтобы выглядеть на экране красивой. С годами это превратилось чуть ли не в маниакальную болезнь. Александров, снимая ее, прибегал к различным ухищрениям: например, он с помощью специальной подставки поднимал ее стул, чтобы камера светила ей в лицо. Таким образом свет разглаживал ее морщины, которых с возрастом становилось все больше. Когда и это перестало помогать, Орлова (наверное, одна из первых советских киноактрис) стала прибегать к пластическим операциям. Из своих поездок за границу она приво-

зила не только редкие по тем временам туфли на прозрачных каблуках, но и специальный крем для лица и рук (руки у нее испортились еще в юности). Именно из страха показаться некрасивой Орлова панически боялась фотографироваться. Она всегда скрывала свой истинный возраст. Когда в феврале 1972 года ей исполнилось 70 лет, она лично попросила высоких начальников ни в коем случае не упоминать об этом. Поэтому ни в одной газетной и журнальной статье, ни в одной телепередаче истинная причина внимания к актрисе так и не была упомянута.

Звезда советского экрана всю жизнь мучилась светобоязнью, отчего на окнах ее квартиры всегда были задернуты плотные портьеры. Судя по всему, эта боязнь появилась у нее в конце 20-х, когда арестовали ее первого мужа. Тогда же к ней пришла и бессонница, которой она мучилась всю жизнь.

В последние 20 лет своей жизни Орлова практически перестала сниматься в кино. В 1959 году Г. Александров снял фильм «Русский сувенир», где она получила главную роль (Варвара Комарова), однако фильм с треском провалился. Но если раньше неудача сходилась режиссеру с рук, то теперь времена изменились. В «Крокодиле» появился фельетон, посвященный фильму, под названием «Это и есть специфика?». Тут же, как по команде, и в других изданиях стали появляться критические статьи. Дело зашло так далеко, что товарищи Александрова вынуждены были выступить в защиту

режиссера. В «Известиях» появилось письмо в его поддержку за подписями П. Капицы, Д. Шостаковича, С. Образцова, Ю. Завадского и С. Юткевича. Нападки на Александрова прекратились, однако снимать после этого он практически перестал.

Орлова продолжала играть на сцене Театра имени Моссовета. В мае 1963 года в Ленинграде состоялась премьера спектакля Театра имени Моссовета «Милый лжец» (постановка Г. Александрова), в котором Орлова сыграла главную роль – Патрик Кэмпбелл. Затем главная роль в спектакле «Странная миссис Сэвидж». Вскоре Завадский отдал эту роль Вере Марецкой, и Орлова «сошла с дистанции».

В начале 70-х годов Александров внезапно решил вернуться в большой кинематограф и приступил к съемкам фильма по собственному сценарию. Картина называлась «Скворец и Лира» и рассказывала о судьбе двух советских разведчиков (их роли в фильме сыграли Александров и Орлова). Однако судьба этого фильма сложилась печально: художественный совет киностудии посчитал его настолько слабым и невыразительным, что в прокат он так и не попал. Эта неудача окончательно подточила и без того слабое здоровье Орловой. Вскоре она попала в Кунцевскую больницу. У нее начались безумные боли в почках, и Орлова считала, что у нее обнаружили камни. Однако настоящий диагноз оказался куда страшнее – рак поджелудочной железы. Врачи обнаружили метастазы и рассказали всю правду Александру.

дрову. А он попросил их ничего не говорить жене. «Пусть думает, что у нее камни». Врачи так и сделали и даже для убедительности своих слов вручили актрисе камни, извлеченные во время операции у другого пациента.

В последние несколько месяцев перед смертью Орлова металась в поисках пьесы, с которой она могла бы достойно уйти со сцены и из жизни. Пьеса так и не нашлась. 23 января 1975 года, в день рождения своего мужа, Орлова внезапно потеряла сознание. Ее отвезли в Кунцевскую больницу, где через три дня она скончалась. 29 января Любовь Орлову похоронили.

После смерти жены Г. Александров прожил еще восемь с половиной лет. Он пережил смерть своего сына – бывшего Дугласа, а теперь Василия Александрова, которому было всего 50 лет, – и оформил брак с его женой Галиной, для того чтобы оставить ей свое немалое наследство. В 1983 году (вместе с режиссером Е. Михайловой) он успел сделать документальный фильм «Любовь Орлова», после выхода которого, видимо, посчитал свою миссию на земле выполненной. 16 декабря того же года он скончался в возрасте 80 лет. Похоронили его на Новодевичьем кладбище, рядом с могилой Л. Орловой.

Р. С. Галина Александрова умерла в начале 90-х годов. После ее смерти дача Л. Орловой и Г. Александрова во Внукове была продана посторонним людям. То же самое произошло и с их квартирой на Большой Бронной – теперь там

офис иностранной фирмы. Что касается единственного наследника «звездной» четы – Григория Александрова-младшего, – то он, по слухам, проживает в Париже.

Борис Чирков

Борис Петрович Чирков родился 13 августа 1901 года в городке Нолинске Вятской губернии. «Городок наш был маленький, в стороне от железной дороги – глухой уголок. Теперь даже и представить себе трудно, каким захолустным мог быть центр уезда... Даже электричества мы у себя не видели. Только почтовая пара привозила письма и газеты два раза в неделю...» – вспоминал Чирков.

В семилетнем возрасте Чирков пошел учиться в местную школу второй ступени. Когда он учился в старших классах, отец внезапно решил привлечь его к театральной самодеятельности. Сам он давно играл в театральных постановках местного Общества любителей драматического искусства, вот и решил приобщить к этому делу и сына. Поначалу юный Боря работал в будке суфлера, но затем ему стали доверять и небольшие эпизодические роли. Позднее он вспоминал: «Когда у себя дома, в Нолинске, я часто и с удовольствием играл в любительских спектаклях, то никогда и в мыслях у меня не было, что смогу стать настоящим, профессиональным актером. Для этого надо ведь иметь и подлинный талант, и выразительную внешность, и много еще всяческих свойств и достоинств, которым у меня и взяться-то было неоткуда...»

Весной 1919 года, закончив школу, Чирков стал ждать по-

вестки в армию, однако судьба оказалась к нему более благо-
склонна. Вместе с двенадцатью другими выпускниками шко-
лы он был отправлен на срочные педагогические курсы в
родном Нолинске. К сентябрю учеба закончилась, и выпуск-
ники приступили к работе в школах.

Той же осенью Чирков и несколько его товарищей реши-
ли создать при Народном доме театральную студию. Первым
спектаклем новорожденной студии, получившей затем на-
звание Нолинский культурно-просветительный отряд, стал
«Недоросль» Фонвизина.

Осенью 1921 года Чирков с несколькими товарищами ре-
шает отправиться на учебу в Петроград. Шесть суток они
ехали до «колыбели революции» и все вместе поступили в
политехнический институт. Однако после нескольких меся-
цев обучения наш герой внезапно понял, что точные науки
совершенно не его стезя. Надо было определяться с выбо-
ром другой профессии. Но какой? И тут на помощь пришли
друзья. Сам он так вспоминал об этом: «Мою участь реши-
ли Сережка Кадесников и Алешка Зонов, сами, безо всяко-
го моего участия. Через некоторое время они мне объявили,
что мне предстоит экзамен в только что учрежденный Ин-
ститут сценических искусств. Я опускаю период выяснения
отношений между нами, слабую мою борьбу за собственную
эмансипацию, за то, что я сам буду решать свою судьбу. Дело
кончилось тем, что я принялся готовиться к испытанию мо-
их театральных возможностей и способностей. Я старатель-

но повторял отрывок из „Мертвых душ“, учил басни Крылова и с упоением декламировал зачитанное, истрепанное по концертам и любительским выступлениям весьма драматическое стихотворение Мережковского „Сакья Муни“. Через несколько дней подготовка была закончена, но, когда Серега объявил, что завтра он будет сопровождать меня на экзамен, я понял, что ни внутренне, ни внешне не приспособлен к такому роду деятельности, к которому меня решили определить мои товарищи».

Несмотря на страх перед экзаменами, он все-таки сумел собраться и достойно выступить перед экзаменаторами. И его приняли, несмотря на то что конкурс в это заведение был огромный. «Значит, что-то я все-таки умею», – радостно подумал про себя юноша.

Стипендию Чирков начал получать только на третьем курсе и поэтому по ночам работал грузчиком в порту. Он был молод и полон сил и никогда не унывал.

В студенческих постановках Чирков чаще всего выступал в роли комического героя. Вместе с двумя своими сокурсниками – Черкасовым и Березиным – Чирков создал прекрасный комедийный номер под названием «Пат, Паташон и Чарли Чаплин». В роли Паташона выступил наш герой. В 1928 году этот номер полностью вошел в фильм «Мой сын».

В 1926 году учеба в ИСИ для Чиркова благополучно завершилась, и он был принят в Театр юного зрителя, которым руководил А. А. Брянцев. Этот театр в те годы был одним из

самых популярных в городе. Актеры смело вовлекали в игру весь зрительный зал, и зрители (среди которых было много детей) были просто в восторге. На сцене ТЮЗа Чирков был одним из ведущих актеров и играл в спектаклях «Дон Кихот» (Санчо Панса), «Тиль» (роль Тиля Уленшпигеля), «Конек-Горбунок» (Иван-дурак) и др. Как он сам вспоминал позднее: «Я, например, иногда испытываю удовольствие, когда узнаю, что какие-то школьницы хотят получить мою фотографию.

Боюсь, что это может перейти в самодовольство, хотя для этого нет оснований, так как тут замешана прежде всего сама роль, которую мои зрители не отделяют от моего исполнения, а во-вторых, трико и испанские сапоги, в-третьих, то, что я неплохо прыгаю, дерусь на рапирах. По роли мне приходится много драться, прыгать, лазить...»

Именно в театре Чирков встретил и свою первую любовь – актрису Елизавету Уварову. Они стали жить вместе в гражданском браке. Именно от этой женщины наш герой перенял безумную страсть к книгам. Вскоре все ленинградские букинисты знали Чиркова, который, не жалея денег, приобретал редкие книги.

В 1928 году в жизнь Чиркова впервые вошло кино. Режиссер Г. Кроль пригласил его на маленькую роль в своем фильме «Родной брат». Снимался Борис с удовольствием, однако, когда впервые увидел себя на экране, чуть не умер со стыда – таким невзрачным и неуклюжим он себе показался. Не до-

смотрев картину до конца, он пулей выскочил из кинозала, решив никогда больше в кино не сниматься.

В том же году он вновь вышел на съемочную площадку и сыграл небольшую роль в картине «Луна слева». Осенью 1930 года он снялся еще в одном фильме – «Одна» (режиссеры Г. Козинцев и Л. Трауберг), правда, зрители актера почти не видели (он стоял в телефонной будке) и только слышали его голос. Однако встреча с этими режиссерами станет в судьбе Б. Чиркова эпохальной.

В сентябре 1929 года ТЮЗ посетил Николай Бухарин. По этому поводу Чирков оставил в своем дневнике такую запись: «Вчера в ТЮЗе был Бухарин. В фойе сидел за столом. Помню только, что он был в кожаной куртке. Рыженький, как будто плохо побрит. Неприятный. Нервничал про себя. Видно было, что ему это общение с нами – ни к чему».

В мае следующего года Чирков переходит на Фабрику эксцентрического актера (ФЭКС), возглавляемую Г. Козинцевым и Л. Траубергом. В июне 1931 года оба режиссера приглашают Б. Чиркова на одну из центральных ролей в своем новом фильме «Путешествие в СССР» (главные роли в нем исполняли Э. Гарин и М. Бабанова). Съемки проходят в Мариуполе, однако картина на экраны так и не вышла. В планах у режиссеров постановка фильма «Юность большевика», в котором Чиркову уже гарантирована одна из главных ролей. Однако, пока пишется сценарий, актер мается без работы. Порой он жалеет, что ушел из ТЮЗа. Но вот нако-

нец начались репетиции «Большой жизни» по пьесе Арбузова, где Чиркову досталась роль Сергея Раздумова. Именно в этой роли в январе 1932 года его увидел В. Мейерхольд и тут же предложил ему переехать в Москву и поступить в его театр (ГОСТИМ). Чирков согласился. В сентябре он уже получил удостоверение за номером 040 – он актер ГОСТИМа. Однако удачным этот переезд назвать было нельзя. Вот что писал Б. Чирков об этом периоде: «Декабрь. Четыре месяца разговоров, интересных, иногда очень интересных, почти гениальных, но разговоров. С очень интересными людьми. Но разговоры, разговоры, а дела-то нет... Может быть, завтра, может, послезавтра...»

Тем временем в январе 1934 года на имя Чиркова из Ленинграда приходят сразу две телеграммы: от Г. Козинцева и Л. Трауберга о том, что он будет сниматься в их фильме «Юность большевика», от братьев Васильевых – что он утвержден на одну из ролей в фильме «Чапаев». Возвращение в Ленинград было счастливым.

Сначала Чирков отснялся в небольшом, но очень удачном эпизоде у братьев Васильевых. Он сыграл старика крестьянина, который жаловался Чапаеву: «Белые пришли – грабют, красные пришли – тоже грабют, куда бедному крестьянину податься?» После этого он пришел на съемочную площадку, где снимался фильм «Юность большевика» (в прокате картина будет носить название «Юность Максима»). Главную роль в фильме – эксцентричного и рассеянного молодого

го интеллигента – должен был исполнять Эраст Гарин. Чиркову досталась роль одного из его закадычных друзей – Демы. Однако по ходу съемок режиссеры внезапно решили отказаться от Гарина и доверили главную роль Чиркову. Когда тот узнал об этом, сразу запротестовал: «Да какой из меня большевик, рабочий-вожак, оратор? С моим-то ростом, говором?» Однако режиссеры сумели настоять на своем и чуть ли не в приказном порядке заставили молодого актера играть главную роль. Поначалу он играл неохотно, вяло, но затем внезапно разошелся. Г. Козинцев позднее вспоминал: «Максим все наглед. Ему уже не было удержу... На каждой репетиции он не только забирал себе все лучшие реплики, но и теснил других героев: отходите-ка, братцы, назад, на второй план...

Хотелось наградить Максима и пением Чиркова. Но песни, которые знал Борис Петрович, Максим петь не мог: он был питерский, пролетарий чистых кровей – ничего деревенского в нем не было. И печальная протяженность, стон крестьянской песни не могли слышаться в пригороде.

Ежедневно ассистенты приводили из пивных города гармонистов, разыскивали дряхлых эстрадников. Сколько таких певцов я тогда прослушал! Сегодня комик с распухшим от наклеек носом вспоминал куплеты, которые он не исполнял уже полвека, ревматическими ногами он выбивал на припев чечетку, щеголял древними фортелями. Завтра слепой старик раздувал мехи баяна, пел хриплым, пропитым

голосом. На Литейном шла охота: букинисты разыскивали песенники, лубочные картинки с романсами...

Было прослушано немало занятного, в своем роде интересного, но того, что хотелось, не удалось еще услышать... И вот однажды, когда уже и вера в самую необходимость песни проходила, подвыпивший гармонист заиграл вальс, затянул сиплым голосом: «Крутится, вертится шар голубой...» Ни секунды сомнения не было. Это была она, любовь мгновенная, с первого взгляда, вернее, слуха...»

По другой версии, эту песню, ставшую затем знаменитой, случайно запел на съемках сам Чирков. Ее он слышал еще в детстве от своего отца. Режиссерам она так понравилась, что они сделали ее центральной в картине.

Осенью 1934 года работа над фильмом «Юность Максима» была завершена. Однако выпускать картину на экран высокие начальники не захотели. Л. Трауберг вспоминал: «Помню первый просмотр „Юности“ на „Ленфильме“. На нем как-то не слишком приняли фильм. Даже огорчились неудаче (только один человек, скромный заведующий рекламой, разразился взволнованной речью, почти приравнивая фильм к „Чапаеву“). После вялого выступления кого-то из режиссеров мы с Козинцевым, усталые, во всем со всеми согласные, твердо решили про себя: „Никакого продолжения не будет. Хватит одной серии, прошла бы как-нибудь“.

Во время приемки фильма в Госкино почти все руководители восстали против фильма: фальшь, балаган, герой – не

большевик-рабочий, а некий люмпен-пролетарий.

Фильм просматривали через месяц после выхода «Чапаева». Нам непрерывно заявляли: «Чапаев» – это картина! А у вас что?» Казалось, фильму грозила судьба похуже, чем судьба «Нового Вавилона» (фильм тех же режиссеров 1929 года. – *Ф. Р.*). И тут случилось нечто, в чем я до сих пор разобраться по-настоящему не могу...

Когда стало ясно, что фильм запретят, «Юность Максима» посмотрел Сталин. Много раз и у нас, и за рубежом меня просили рассказать о просмотре «Юности Максима» на квартире у Сталина в середине декабря 1934 года. Старался не делать этого, сейчас попробую коротко рассказать...

Этот понедельник был для Козинцева и для меня нелегким. В 12 часов дня фильм смотрела редакция «Правды». Почему-то понравилось (честное слово, не претендую на сарказм). В 15 часов пришли редакция «Комсомольской правды» и делегаты проходившего в те дни комсомольского съезда...

В шесть часов вечера нас повезли в Кремль. Оказалось, что мы чуть опоздали: сеанс уже начался. В большой комнате было темно. Кто был там, мы не видели. Только через некоторое время после начала фильма в темноте послышался чей-то недовольный голос: «Что это за завод? Я такого в Питере не помню». И немного погодя тот же голос (позже мы узнали Калинина): «Мы так перед мастерами не кланялись». И тут, также в темноте, раздался негромкий, с очень

заметным акцентом голос: «В зале присутствуют режиссеры. Желаящие могут после конца высказаться». Больше замечаний не было. Фильм закончился, мы увидели лица, знакомые нам по портретам: Калинин, Ворошилов, Орджоникидзе, Андреев. Других мы не знали. Позже нам сообщили, что очень пожилой человек, стоявший у окна, друг и, кажется, учитель Сталина, позже расстрелянный Нестор Лакоба... Рядом с ним – человек в пенсне, секретарь ЦК Грузии Берия. Все с нами поздоровались и почти что с места в карьер начали делать замечания. Сталин сказал: «Вот у вас этот большевик в начале диктует листовку, такого тогда не было». «Секретарей не держали», – сказал Ворошилов, и все рассмеялись. Ворошилов добавил: «И очень он у вас старый. Тогда Владимиру Ильичу было только сорок, а мы все были помоложе». Сталин не очень гневно добавил: «И что это он в мягкой шляпе и в нерабочем костюме влезает в толпу рабочих? Там же шпииков было полно, сразу же схватили бы».

Приходится мне заняться чем-то вроде похвальбы. Может быть, душа моя находилась в пятках, но я старался давать объяснения: «Диктует большевик потому, что нам очень не хотелось применять титры, надписи. Взяли мы Тарханова на эту роль, немного наивно полагая, что должно быть сразу видно: старый большевик. Пробовали нацепить на него рабочую блузу и картуз, но это ему решительно не шло». Все засмеялись, но Сталин все-таки продолжал назидательно: «И что это он в конце фильма хочет текст листовки продикто-

вать? Подумаешь, дипломат какой!.. Будто, кроме него, не было в Питере кому листовку составить». Здесь Козинцев, человек куда более нервный, чем я, очевидно решив, что дело проиграно, слегка побледнел и опустился на стул. Я пишу об этом потому, что, неизвестно кем пущенная, возникла позже легенда, будто Сталин топал ногами и кричал на нас, а Козинцев, так сказать, упал в обморок. Не было этого. И Сталин ногами не топал, и Козинцев в обморок не падал. Я нашел неуклюжее, неправдоподобное объяснение: «Извините нас, товарищи, но мы с самого утра уже несколько раз смотрели картину, не успели даже чаю выпить и, как сами понимаете, волнуемся». Тут все засуетились, и, словно в арабской сказке, на столике мгновенно возникло угощение: чай, бутерброды. Но свидание, по сути, было закончено, мы поклонились и пошли к выходу. Сталин, взяв в руки стакан чаю, крикнул нам вслед: «Максим хорош! Хорош Максим!» И это была все подытожившая рецензия».

Фильм «Юность Максима», выйдя на экраны страны, имел грандиозный успех у зрителей. Б. Чирков после этого стал всесоюзно знаменит, и иначе, чем Максим, его уже никто не называл. В январе 1935 года ему было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Между тем в августе того же года Чирков становится актером Нового ТЮЗа и тут же получает большую роль – профессора Вейделя в пьесе А. Бруштейн «Продолжение следует». В это же время режиссер Лео Арнштам приглашает его

на одну из ролей в фильме «Подруги». Но Чирков с нетерпением ждет другого предложения – новую роль в продолжении фильма о Максиме. Летом 1936 года он такое предложение наконец получает. Съёмки картины проходят в Одессе. В 1937 году фильм «Возвращение Максима» выходит на экраны и собирает на своих просмотрах небывалые аншлаги.

3 апреля 1938 года в «Ленинградской правде» публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Б. Чиркова орденом Ленина. Буквально через несколько недель после этого он навсегда покидает Ленинград и становится москвичом. Причем этому переезду сопутствовали события весьма драматические.

В том месяце Борис должен был в числе других актеров театра и кино выступить в Большом театре на торжественном концерте, посвященном очередному съезду ЦК ВЛКСМ. Приехав в Москву за несколько дней до концерта, Чирков поселился в гостинице «Москва». Вскоре начались репетиции. Во время одной из репетиций к нашему герою подошла балерина из кордебалета и, прямо глядя ему в глаза, произнесла: «Значит, вот вы какой – Максим? Я давно мечтала с вами познакомиться». – «Так в чем же дело?» – не растерялся Чирков, пораженный красотой этой женщины.

Получив телефон новой знакомой, актер уже на следующий день позвонил ей домой и был приглашен на ужин. Ночевать он остался у нее.

Торжественный концерт в честь юбилея комсомола состо-

ялся в точно назначенное время. Выступление Чиркова следовало сразу после выхода на сцену певца И. Козловского. Борис исполнил под гитару несколько песен, в том числе и песню Максима. Зал бурно аплодировал артисту.

Тем временем на улице его уже ждала машина, чтобы отвезти на Ленинградский вокзал. Его пребывание в столице заканчивалось. Однако уезжать в Ленинград Чиркову не хотелось. Те несколько ночей, что он провел со своей новой знакомой, перевернули его душу. Балерина уговаривала его остаться, но он не мог этого сделать, пока в Ленинграде его ждала другая женщина – Елизавета Уварова, с которой он прожил бок о бок более десяти лет. Прежде чем навсегда расстаться с ней, он должен был объясниться.

Приехав на вокзал, Чирков нашел свой вагон и уже хотел было войти в него, как внезапно заметил трех незнакомых мужчин. Они быстро приближались к нему, и лица их не предвещали артисту ничего хорошего. Чирков напрягся, ожидая самого худшего. «Вы – товарищ Чирков?» – спросил один из подошедших. «Да, я», – ответил он. «Вам придется проехать с нами». – «Но у меня поезд уходит через несколько минут». – «Не беспокойтесь, это не последний поезд в вашей жизни». И Чирков обреченно шагнул вслед за мужчинами.

По дороге ему казалось, что они едут на Лубянку. Однако машина внезапно свернула к Кремлю и въехала в Спасские ворота. Затем вся процессия вошла в один из подъездов Дома правительства. Через несколько минут Чирков оказался

в кабинете самого председателя Совета народных комиссаров СССР Вячеслава Молотова. Хозяин кабинета был на месте, при виде гостя шагнул ему навстречу и произнес: «Нехорошо, Борис Петрович. Были в Москве и даже не попытались встретиться со своим родственником». Актер в первые мгновения даже не успел сообразить, что имеет в виду Молотов. Лишь потом вспомнил, что он приходится ему внучатым племянником (мать Чиркова была дочерью родного брата Молотова). Поэтому, поборов наконец естественное волнение, произнес: «Вячеслав Михайлович, вы же понимаете, как истолковали бы люди мое поведение, если бы я искал с вами встречи». – «Нашел-таки отговорку, – улыбнулся Молотов. – Только людей бояться нам негоже. Так что официально приглашаю вас провести эти несколько дней в Москве, в кругу моей семьи. Возражения есть?» Борис в ответ лишь развел руками.

Только в начале следующего месяца Чирков наконец вернулся в Ленинград к давно ожидавшей его Елизавете Уваровой. Однако приехал он уже с твердым намерением навсегда покинуть город на Неве. Влиятельный родственник пообещал ему свою поддержку, квартиру в столице, да и новая знакомая настойчиво звала к себе. Поэтому Чирков в Ленинграде практически не задержался. Он собрал вещи и на немой вопрос сухо произнес: «Прости, Лиза, но я уезжаю. Навсегда». И закрыл за собой дверь.

Между тем летом 1938 года Г. Козинцев и Л. Трауберг

приступили к работе над третьим фильмом о Максиме – «Выборгская сторона». Чиркова вновь вызывают в Ленинград. Вспоминает Л. Трауберг: «В начале съемок „Выборгской стороны“ Чирков по семейным обстоятельствам зачастил в Москву. В результате на одну-две съемки явился не совсем в форме. Я вовсе не как ментор, а как крепко любящий товарищ вышел с ним в тогда еще существовавший садик „Ленфильма“ и сбивчиво, волнуясь, стал говорить ему, что он губит картину, себя, нас. Другой на его месте прервал бы меня. Чирков молчал, слушал сосредоточенно. Когда я закончил, сомневаясь, убедил ли я его, он сказал: „Спасибо, Леня, больше у тебя и Григория Михайловича не будет ни малейшей причины во мне сомневаться“. И не было. А ведь он уже сыграл в двух сериях, был любим народом, был не моложе меня».

В это же время Чирков одновременно со съемками в «Выборгской стороне» снимался еще в двух картинах: в фильме Михаила Доллера «Минин и Пожарский» и у Сергея Герасимова в фильме «Учитель». В 1941 году этот фильм будет удостоен Сталинской премии. С театром Б. Чирков в то время «завязал», хотя его настоятельно приглашали в труппу МХАТа.

29 ноября 1939 года Чирков (вместе с М. Жаровым) совершает свою первую заграничную поездку – в Польшу. Причем едут они туда на автомобиле. Когда приехали, то очень удивились, что Максима знают и там. Им рассказыва-

ли, что на фильмы трилогии очередь становилась с 12 часов дня, хотя сеансы начинались вечером. При этом барышники активно скупали билеты и спекулировали ими возле кинотеатра.

За четыре месяца до начала войны Чиркову позвонил из Киева режиссер Леонид Луков и предложил сыграть в его новом фильме «Александр Пархоменко» роль... атамана Махно. Как писал затем сам актер: «Вот уж чего я не ждал, так не ждал. Вот оно, исполнение желаний! Я даже не стал спрашивать – как это могло ему прийти в голову. Я понял главное, что этот режиссер считает меня актером, что он готов вместе со мною провести опыт рискованный, но для меня увлекательный, а может, интересный и для зрителей...»

Мало кто верил, что я справлюсь с этой ролью. Многие считали, что я могу изображать только положительные стороны человеческой природы... Один мой приятель долго убеждал меня: «Когда ты сыграл Максима, зрители решили, что ты сам таков, тебе даже письма писали – Максиму Чиркову. А теперь что же? Если ты удачно представишь Махно, те же люди будут думать: есть, значит, у тебя что-то общее с этим бандитом!.. Тут ведь и на Максима пятно ляжет! Собрази-ка... Стоит ли за эту роль браться?»

Но я принялся за работу. Стал читать книжки по истории гражданской войны, мемуары участников сражения с махновцами. Читал рассказы Бабея, стихи Багрицкого. Говорил с людьми, которые видели живого Махно. Внимательно

разглядывал фотографии самого атамана и его банды...

Надел я махновский костюм, загримировался, подклеил нос, нацепил парик... Ничего не помогает – вижу: в зеркале сидит загримированный актер. Пришел помощник режиссера проводить меня на съемку. Я даже рассердился на него. «Сам знаю. Приду!» Вышел в коридор. Коридоры у нас в студии длинные, с крутыми лестницами, с головокружительными переходами. Съемка ночная, а в коридорах все лампы выключены. Темно. И вдруг я подумал: «А что, если бы сам Махно здесь с кем-нибудь столкнулся? Ведь он бы решил, что его убить хотят. Ох, и жутко бы ему стало!..»

Я даже голову в плечи втянул и вдруг ощутил страх, как ощутил бы его Махно.

Таким испуганным и озирающимся по сторонам я выскочил на освещенную площадку перед ателье. Там сидели режиссеры, осветители и актеры...»

Судьба у этого фильма была нелегкая: когда отсняли большую часть материала, началась Великая Отечественная война. Зимние съемки перенесли в Новосибирск, летние эпизоды снимали в Западной Украине. Чирков смог ненадолго вернуться в Москву. В октябре, когда фашисты подошли к столице, было принято решение эвакуировать в числе других организаций и «Мосфильм». Б. Чирков хотел остаться в Москве, но ему это сделать не позволили. 16 октября наш герой покидает Москву. В своем дневнике он пишет: «Я зарулем своего „КИМа“ отправляюсь в путь. Боязно ехать. Мо-

тора не знаю. Машина перегружена. Еду по шоссе Энтузиастов. Люди идут на работу. Застава. Нас обгоняют „ЗИСы“. Разбомбленный мост. Еле объехал».

Доехав до Горького, Чирков пересел в поезд и вскоре прибыл в Ташкент. Там он приступил к съемкам в картине Константина Юдина «Антоша Рыбкин», где исполнил главную роль – веселого и бесстрашного повара Рыбкина. Фильм имел успех у массового зрителя, хотя многие его ругали. Например, А. Твардовский в своем письме Чиркову от 24 марта 1943 года писал: «Не могу только удержаться при этом и не попрекнуть Вас за то, что Вы со своим золотым талантом влипли в поганый фильм об Антоше Рыбкине. Я чуть не плакал, когда смотрел это произведение искусства. Не обижайтесь, пожалуйста, умолчать не мог».

Кроме этого фильма, Чирков снялся еще в нескольких картинах, которые стоит здесь назвать: «Фронт» (1943), «Кутузов» (1944), «Иван Никулин – русский матрос» (1945). Когда последний фильм вышел на экраны страны, Чирков вступил в ряды КПСС.

В 1946 году режиссер Лео Арнштам приступил к съемкам фильма «Глинка». Главную роль в нем он предложил сыграть Б. Чиркову. Позднее тот напишет в своем дневнике: «Картину показывали наверху. Какие-то непонятные претензии... Будут кромсать».

Посмотрели после переделки – как будто чужой фильм. Все расстроены, но все равно все будут помнить, что бы-

ло раньше, а сам фильм, прежний, был чудо какой задушевный».

В сентябре того же года Чирков впервые в жизни попадает в Западную Европу – в составе делегации советских кинематографистов он едет на фестиваль в Канны. В дневнике актера читаем: «Вот я еду по Парижу!.. Как во сне. Как на съемке! Может быть, это новая роль, а кругом декорации?..»

В декабре 1948 года Чирков получает письмо от своего друга, известного сценариста Алексея Каплера, который в то время находился в лагере (во время войны он завел роман с дочкой Сталина Светланой, и его за это посадили). Прочитав это письмо, Чирков записал в своем дневнике: «Уже много дней хожу потрясенный письмом Люси Каплера...

Потрясение мое от чистоты и мужества самого тона письма. Письма, написанного человеком, полным любви, самоотречения, веры и ласки к людям, и написанного оттуда.

А я продолжаю ходить, сниматься, есть, репетировать – в общем, жить».

Эти слова были написаны 5 января 1949 года. А на следующий день в жизни актера произошло знаменательное событие – он встретил девушку, которая стала его первой и последней официальной женой. Звали девушку Людмила Геника, она была дочкой проректора ВГИКа. А встретились они на дне рождения Николая Крючкова, с которым Борис давно дружил. Но послушаем саму Л. Чиркову: «Гостей было много. Все были молоды. Четыре года, как кончилась война, и

радость жизни, ощущение ее полноты будили веселье гостей. Застолье продолжалось уже несколько часов. Шум, гам, все разговаривали друг с другом.

Звонок возвестил о приходе нового гостя. Он вошел, но никто не обратил на него внимания. Хозяйка дома, моя подруга, усадила его за стол прямо против меня и умчалась по своим хозяйским делам (женой Крючкова тогда была актриса Алла Парфаньяк. – *Ф. Р.*). Он наполнил бокал, приподнял его, вероятно, хотел сказать какие-то поздравительные слова, но все кругом шумело, веселилось. Он улыбнулся, осмотрелся по сторонам, наткнулся на мой заинтересованный взгляд и, лукаво улыбнувшись, сказал: «Ну, тогда ваше здоровье». Так мы познакомились.

И вот тогда я сразу поразила его глазам. Они были удивительные – огромные, внимательные, ласковые, умные... Внутри них загорались лукавые огоньки, и сразу же Борис Петрович становился похож на мальчишку, который собирается напроказить и удерживается из последних сил. Мы поговорили весь вечер. К концу вечера выяснилось, что мы живем неподалеку друг от друга, и поехали домой вместе. Это «малое землячество» как-то душевно сблизило нас.

Тринадцатого января – наша вторая встреча.

Борис Петрович пригласил мою подругу, ее мужа и меня вместе встретить Новый год. Накануне с большим успехом была принята картина, в которой он играл главную роль, и он хотел отметить эти два события.

Мне и хотелось пойти, и не хотелось. Я собиралась встретить Новый год в компании, где все давно были известны друг другу, можно было явиться в любом виде, и проблема туалета для меня, молодой актрисы с окладом в 325 р., не возникала.

Тем не менее меня уговорили, правда, сделать это было не так уж трудно.

Но когда я вошла в зал «Гранд-отеля», все мои женские комплексы охватили меня с невероятной силой. Большой зал залит светом, почти вся артистическая Москва здесь, и такие нарядные, такие яркие туалеты. Я села за стол и решила – танцевать не буду, а уж сидючи блесну «эрудицией» (все-таки профессорская дочка) и за непринужденной – «светской, интеллигентной» – беседой все, а главное, всех, поставлю на место.

И опять глаза!

Посмотрели на меня с удивлением и с какой-то затаенной горечью и печалью. Потом они сощурились, блеснули огоньком, и на меня посыпалась груда цитат, сентенций, умозаключений – все это было преподнесено нарочито выпендренно, вроде бы с юмором, хотя сарказма было куда больше. Как же меня поставили на место! Как же было стыдно, но до чего же увлекательно слушать – ведь я добрую половину не знала.

Вероятно, на моей физиономии отразилась и эта заинтересованность и увлеченность, потому что глаза смягчились, потеплели и даже чем-то заинтересовались.

Комплексы кончились. Мы пошли танцевать. Удивительные глаза оказались совсем рядом, и как же легко и радостно было в них смотреть...

Семнадцатого января – наша третья встреча.

Каток «Динамо». Перерыв на обед. Каток пуст, на нем только три фигуры, из которых одна моя. Мои «соледники» старше меня. За мной молодость, ощущение, что я нравлюсь, уверенность, но и самоуверенность, конечно. Ну, сейчас я покажу – как надо кататься! Начинаю «бег», стараюсь изо всех сил и поэтому спотыкаюсь, сбиваюсь с ритма, наконец выравниваюсь и победоносно оглядываюсь.

Коля на «норвегах» в низкой посадке идет на блестящей скорости по большому кругу катка.

Борис Петрович посередине катка на фигурных коньках крутит пируэты, чертит вензеля и на меня – никакого внимания! Впрочем, нет. У фигуриста очень лукавый глаз, мимолетный, но такой острый, такой насмешливый, что я тут же грохаюсь на лед. Обидно до слез. Он тут же подлетает, поднимает меня, и глаза становятся участливыми – в них рассказание за насмешливую улыбку...

После этого мы встречаемся еще один раз и больше никогда уже не расстаемся...»

9 ноября 1949 года у молодоженов появляется на свет дочка, которую в честь мамы назвали Людмилой. А буквально через несколько месяцев в их семье новый праздник: Б. Чиркову присваивают звание народного артиста СССР.

Стоит отметить, что за все 34 года совместной жизни Б. Чирков и Л. Геника поссорились всего один раз – летом 1949 года. Как это произошло, рассказывает она сама: «Стало известно, что у нас будет ребенок. До этого детей у Бориса Петровича не было, и это известие он воспринял с невероятным восторгом.

Я стала «табу»! Все для меня! В том числе чистый, свежий воздух. Была снята дача на лето. Борис Петрович снимался на «Мосфильме», но приезжал, как только мог. На даче со мной жили мать моей подруги вместе с внуком и ее приятельница – Лидия Ивановна...

И вот в этой атмосфере заботы и внимания как-то, когда все улеглись уже спать, зашел у нас с ним разговор о поэзии Марины Цветаевой, а также о поэзии Анны Ахматовой и других акмеистов.

Если для Бориса Петровича эти имена были откровением юности и он относился к ним как к чему-то для него безусловному, то для меня, чья юность проходила под знаком войны в Испании, полета Чкалова, папанинцев, все эти «дамские» стихи были так чужды, что разногласия наши не замедлили проявиться. И вот ночью разгорелся спор. Борис Петрович – человек необычайно азартный, я тоже спорщик не из последних. Мы подняли на ноги всю дачу. Мы ругались, глаза горели, мы так ожесточенно ненавидели убеждения друг друга, что сначала над нами смеялись, узнав о причине спора, затем пытались образумить, но потом уже начали вол-

новаться. Наконец что-то шепнули Борису Петровичу, и он сразу замолчал, как споткнулся. Я продолжала бесноваться – другое слово подобрать трудно. Еле-еле меня остановили, и наконец все смолкло. Но три дня мы не разговаривали. Причина – поэзия Цветаевой. Больше мы никогда не спорили, ни разу не поссорились...»

В начале 50-х годов Чирков вел достаточно активную творческую и общественную жизнь. Во-первых, в апреле 1950 года он становится артистом только что созданного Театра имени А. С. Пушкина. (На его сцене он сыграет самые разные роли: Миколу в «Украденном счастье», Смирнова в «Тенях», Щепкина в «Гоголе» и др.) Во-вторых, он по несколько раз в год в числе различных кинематографических делегаций выезжает за границу. В те годы, наверно, не было в СССР артиста, кто чаще Чиркова ездил бы за рубеж. В 50-е годы он, например, побывал в Индии, Китае, Люксембурге, Италии, Франции, ФРГ, ГДР, Польше, ЧССР, Венгрии, Англии, Швеции, Финляндии, Испании и т. д. и т. д. И в-третьих, Чирков хоть изредка, но снимается в кино. В 1951 году на экраны страны выходит фильм «Донецкие шахтеры» (в 1952 году фильм получил Сталинскую премию), в 1954-м – «Верные друзья», который становится лидером проката и занимает 7-е место (его посмотрели 30,9 млн. зрителей).

Показательный случай произошел с Чирковым в ноябре 1951 года, когда он поездом возвращался из Польши в Моск-

ву. Чтобы хоть как-то избавить себя от назойливых поклонников, он решил как можно реже выходить из своего купе. Однако и это не помогло. Однажды, когда он мирно спал на своей полке, его разбудили. Открыв глаза, актер увидел рядом с собой высокого мужчину в военной форме. В руках тот держал бутылку вина и бокал.

– Борис Петрович, – обратился к артисту военный, – вы уж простите, но я не мог не зайти. Давайте выпьем за наступающий праздник. Не обижайте военных!

И Чиркову пришлось выпить.

Однако едва военный покинул купе, как тут же его место занял другой человек – молодой парень с белокурым чубом. У него в руках была уже открытая бутылка шампанского. Видимо, почуяв неладное, Чирков высунул голову в коридор и обомлел: вдоль всего коридора к дверям его купе выстроилась огромная очередь людей с бутылками в руках. Казалось, что все пассажиры этого поезда мечтали выпить на брудершафт с самим Максимом! Такова была популярность этого персонажа и актера, сыгравшего его.

В 1952 году семья Чирковых переезжает с улицы Чкалова дом 14/16, где они прожили три года, в высотный дом возле Красных Ворот. В отличие от прежней эта квартира намного больше и просторнее. Здесь есть где разместиться богатой библиотеке хозяина дома.

В конце 50-х годов Чирков снялся в нескольких фильмах, однако в основном это были посредственные картины. Как

он сам писал в марте 1958 года: «Какое счастье работать в хорошей драматургии... Особенно это я чувствую теперь, после двухлетнего „творчества“ на студии Довженко...»

В том же месяце Чирков слепнет на левый глаз. Оказывается, он уже несколько лет плохо видел этим глазом, но никто из родных об этом даже не догадывался. И только летом 1958 года правда внезапно обнаружилась. Вот что пишет по этому поводу его жена: «Мы отдыхали в Джубге. Днем, в жару, Борис Петрович не любил бывать на пляже, но к вечеру, когда зной спадал, он приходил на берег моря, и мы с ним сидели до темноты...

Я сидела справа от Бориса Петровича, слева от него стояла сумка, которая вдруг тихо упала набок. Я сказала: «Боренька, подними – намокнет». Он спросил: «Что?» – «Сумка, разве ты не видишь?» И вдруг, помолчав, он сказал: «А я этим глазом не вижу, – и потом, через паузу, добавил: – Давно».

Я как с ума сошла! Но все вокруг было так тихо, что я все слова, которые и найти-то не могла, всю боль, весь ужас – все это я шептала, быстро, бессвязно, но шептала. Борис Петрович положил мне руки на плечи и сказал: «Ну что ты, что ты? Успокойся. Ну разве тебе было бы легче, если бы я сказал раньше? Я должен был справиться сам и пережить тоже сам».

В мае 1961 года Чиркову была проведена операция по удалению левого глаза.

Летом 1963 года руководство Театра имени А. С. Пушкина отправило на пенсию народного артиста СССР Николая Черкасова, с которым Чирков начинал работать еще в питерском ТЮЗе. Как писал в своем дневнике наш герой: «Вчера был у меня Коля Черкасов. Ему подписали в театре пенсию!!! А попросту выставили. Смотреть на него и слушать невозможно.

А может, и мне уйти. Самому. Пока не выбросили. В общем-то, я этому театру не нужен».

И действительно, тем же летом Чирков из театра ушел. Три месяца пожил у себя на даче, затем поехал в Лондон в очередную командировку. Но без работы долго не просидел. Осенью 1964 года он был принят в труппу Театра имени Н. В. Гоголя, что на улице Казакова.

Не стояла на месте и кинематографическая карьера. В 60-е годы он продолжал активно сниматься. Вот некоторые из фильмов: «Порожний рейс», «Каин XVIII», «Грешный ангел» (все – 1963), «Живые и мертвые» (1964), «Чрезвычайное поручение» (1965), «Первый посетитель» (1966), «Мятежные заставы» (1967).

В конце 60-х у Чиркова случился второй инфаркт (первый был в 50-х), и он угодил в больницу. В эти дни он очень много читал. В июле 1975 года последовал третий инфаркт. Но и в этом случае все обошлось. Лежа в больнице, Чирков задумал писать книгу о своем творчестве под названием «Азорские острова» (к тому времени он был уже автором несколь-

ких книг, первая вышла еще в 1950 году). Вскоре его литературные планы осуществились – «Азорские острова» вышли отдельным изданием в 1979 году.

В 70-е годы кинобиография Чиркова пополнилась новыми картинами: «Ижорский батальон» (1972), «Горожане» (1976). В 1972 году вышел фильм, посвященный творчеству Б. Чиркова, под названием «Наш друг Максим», в 1975 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В Театре имени Н. В. Гоголя актер играл самые разные роли. Например, в спектакле «Заговор императрицы» по А. Толстому он был Григорием Распутиным, в «Птичках» по Ж. Ануию – Шефом.

Творческая жизнь в эти годы почти ничем не отличалась от того времени, когда он был в зените славы. Было у него все: и радости, и разочарования. Вот что писал он в своем дневнике за 1978–1979 годы:

«Вчера звонил Саша Борисов – умер Вася.

Не стало на свете большого актера, большого художника Василия Васильевича Меркурьева. (Он умер 12 мая 1978 года. – *Ф. Р.*)...

Нет. Я уже не могу позвонить по телефону и сказать: «Василий Васильевич, до отхода „Красной стрелы“ еще есть время, заезжайте к нам!..

Совсем другой поезд увез его, и не в Ленинград, а туда, откуда возврата нет. Это горько!..»

В мае 1979 года Чирков начал опять преподавание во ВГИКе (в конце 50-х он преподавал там недолгое время) и взял себе узбекскую студию. В декабре 1979 года он на два месяца попал в больницу – сердце – и написал книгу, на этот раз о песнях, которых он знал тысячи. Эта книга станет последней в жизни Б. Чиркова, десятой по счету.

Б. Чирков умер весной 1982 года. На календаре было 27 мая. В тот день артист отправился в Кремль, где ему должны были вручить Ленинскую премию. Однако сразу после вручения Чиркову внезапно стало плохо. Была немедленно вызвана карета «Скорой помощи», которая взяла курс на «кремлевку». Но как врачи ни гнали, в больницу они привезли уже мертвого Чиркова. Похоронили легендарного Максима на Новодевичьем кладбище.

Татьяна Окуневская

Татьяна Кирилловна Окуневская родилась 3 марта 1914 года в Москве. В 1921 году пошла учиться в 24-ю трудовую школу на Новослободской улице. В третьем классе ее отчислили из школы. Выяснилось, что ее отец в гражданскую войну воевал на стороне белогвардейцев. После этого Таню отдали в школу напротив Театра имени К. Станиславского и В. Немировича-Данченко, директор которой согласился скрыть неприятный факт в биографии девочки.

По словам самой Окуневской, в школе она была отчаянной хулиганкой и постоянно дралась с мальчишками. Однажды те объединились и скинули ее со второго этажа. К счастью, приземлилась она удачно.

Закончив школу в 17 лет, Окуневская устроилась работать курьером в Народном комиссариате просвещения, а вечерами училась на ненавистных ей, но желанных для ее родителей чертежных курсах. Следом за своим двоюродным братом Львом поступила в архитектурный институт. Однажды на улице к ней подошли двое мужчин и пригласили сниматься в кино. Однако Татьяна наотрез отказалась, зная, какой гнев это может вызвать у ее отца. Правда, свои домашние координаты она киношникам оставила. На всякий случай. И этот случай вскоре произошел: Окуневской предложили небольшую роль в одном из фильмов. На этот раз она

уже не была столь категорична в своем отказе. В то время семья Окуневских переживала не самые лучшие дни: отца в очередной раз арестовали как бывшего белогвардейца, жить было не на что. Поэтому, чтобы поддержать семью, Татьяна и решила принять предложение кинематографистов. Так она впервые перешагнула порог киностудии. Роль, правда, тогда ей досталась крохотная, но для живущей впроголодь семьи Окуневских и эти ее деньги были подспорьем.

Благодаря кино Окуневская познакомилась и со своим будущим мужем: студентом киновуза Дмитрием Варламовым. Влюбилась она в него без памяти, и едва он сделал ей предложение, как она тут же согласилась. Ее отец был категорически против (ведь ей было всего 17 лет), но Татьяна не послушалась.

В своих мемуарах Т. Окуневская пишет: «Митя... Моя первая любовь... На свадьбе я сломала каблук, и кто-то сказал, что это плохая примета.

Первая брачная ночь. Митя и терпелив, и мягок, и нежен, когда мой страх прошел, это все случилось. Митя, вытащив из-под меня простыню, куда-то исчез. Ошеломленная, жду Митю. Может быть, так и надо – сразу куда-нибудь исчезнуть. Уже прошло часа три, а Мити все нет, и спросить, что делать дальше, не у кого, у папы теперь об этом тоже не спросишь... Митя появился только к вечеру сильно выпивший и сказал, что они с братом «обмывали мою невинность».

Однако первый брак будущей звезды оказался неудачным

(видимо, сказала примета с каблуком). Муж вел вольный образ жизни, часто грубил молодой жене, иногда даже избивал ее. Рождение дочери не заставило его измениться. Вскоре родители Окуневской, видя, как она мучается, заставили ее уйти от мужа.

Между тем Окуневская бредит кинематографом и мечтает стать профессиональной киноактрисой. Удача улыбнулась ей в 1934 году, когда начинающий режиссер Михаил Ромм предложил ей роль в фильме «Пышка».

Окуневская вспоминает: «Почти год, каждую ночь (фильм снимается по ночам, потому что днем для студии не хватает электроэнергии), я среди первоклассных артистов... Я одна не артистка, ничего не умею, и я не смею этого показать...»

Так как свет в студии давали только ночью, все артисты сидели в костюмах и клевали носом. Включали свет, режиссер давал команду: «Проснитесь!» Мы, позевывая, входили в кадр. Но самое большое испытание ждало нас в сцене, где мы ели в дилижансе «исходящий реквизит»: белый хлеб, курицу, яйца, вино. Ромм бегал и умолял нас: «Делайте только вид, что едите, а то курицу больше не достать». Где-то за безумные деньги удалось достать виноград «дамские пальчики». Мы не могли даже смотреть на это великолепие. После команды «Мотор!» все кидались на еду и моментально съедали. А у меня к тому же был кошмарный аппетит: молодая кормящая мать. Моя мама приносила дочку Ингу мне на

«Мосфильм», чтобы я ее покормила грудью».

Несмотря на то что актерский ансамбль «Пышки» был неоднороден – в нем наряду с опытными актерами (Раневская, Репнин, Мезинцева), снимались дебютанты (Сергеева, Мухин, та же Окуневская), фильм был признан одной из лучших экранизаций зарубежной литературы в немом кинематографе.

Окуневскую после «Пышки» заметили и уже через несколько месяцев после премьеры пригласили на главную роль в фильме «Горячие денечки». Этот фильм, собственно, и стал визитной карточкой актрисы Татьяны Окуневской. Именно увидев ее в этом фильме, прославленный режиссер Николай Охлопков пригласил юное дарование в свой Реалистический театр.

Ее первой ролью в театре была роль Наташи в пьесе М. Горького. Затем последовали роли в спектаклях «Кола Брюньон», «Трактирщица», «Железный поток» и другие. Казалось, что удача и успех навсегда поселились в доме Окуневских. Однако наступил 1937 год.

В августе опять арестовали отца. Из тюрьмы его уже не выпустят и довольно скоро расстреляют на Ваганьковском кладбище, у заранее вырытой могилы. Но родные узнают об этом только в середине 50-х. А пока Окуневскую, как дочь «врага народа», уволили из театра и сняли со съемок фильма, в котором она только что начала сниматься. Однако и это испытание не сломило молодую женщину. Позднее она вспо-

минала: «Когда арестовали отца и бабушку и нужно было думать, как прокормить маму и маленькую дочь, мне удалось избежать искушения выйти замуж по расчету. О, если бы вы знали, какие у меня были поклонники!.. Избежала жажды восхвалений, почестей, званий. Не то чтоб превозмогла это желание, а просто мне не очень-то всего этого и хотелось...»

Говоря о своих поклонниках, Окуневская не преувеличивает, в нее действительно были влюблены многие тогдашние знаменитости: режиссеры Николай Садкович, Леонид Луков, Николай Охлопков, поэт Михаил Светлов, музыкант Эмиль Гилельс. Она же в 1938 году выбрала себе в мужья преуспевающего писателя – 30-летнего Бориса Горбатова.

Т. Окуневская вспоминает: «Я с ним познакомилась в летнем кафе журналистов – там иногда появлялись большущие вкусные раки, и все любители сбегались туда полакомиться. Меня в кафе привел мой симпатичный и добрый друг Илюша Вершинин. Он знал, что я – страстный ракоед. Бориса пожирала та же страсть. Илюша нас и познакомил.

Ухаживать Борис не умел, как, впрочем, все наши несчастные советские мужчины. Он предложил мне писать вместе сценарий. В Переделкине мы сочиняли сценарий, который до сих пор хранится где-то на «Мосфильме». Было очень весело. Мы были молоды, познакомились и подружились с Симоновым и Долматовским... Однако Бориса почему-то не любили писатели. К нам почти никто не ходил. Изредка заходил Твардовский, один раз Фадеев...»

В 1940 году Окуневская вновь попадает на съемочную площадку: она снимается в фильме режиссера Н. Садковича «Майская ночь». Через год вместе с легендарным Петром Алейниковым она играет в фильме «Александр Пархоменко». В 1943 году ее принимают в труппу Театра Ленинского комсомола.

К тому времени она снялась уже в пяти картинах, но удовлетворения от своей кинокарьеры не испытывала. Об этом можно судить по ее же словам: «Я не понимаю, почему меня полюбили зрители? В „Пышке“ у меня небольшая роль, в „Горячих денечках“ я никто – так вообще, в „Последней ночи“ и в „Александре Пархоменко“ я дрянь – меня бросили на отрицательные роли, потому что в советской положительной героине не должно быть секса, который „они“ во мне нашли, и только в жалкой и плохой „Майской ночи“ у меня Панночка, есть попадание в гоголевскую сказку, а фильм прошел по окраинам, в колхозах...»

Между тем экранная сексапильность Окуневской сыграла с ней злую шутку: на нее «положил глаз» сам Лаврентий Берия. В конце 1945 года, когда Горбатов уехал в качестве журналиста на Нюрнбергский процесс, Берия обманом заманил красавицу актрису в свой особняк на улице Качалова. Сама она так описывает тот день: «Оказалось, мы сразу не едем в Кремль, а должны подождать в особняке, когда кончится заседание. Входим... Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, я сказа-

ла, что перед концертом не ем, а тем более не пью, и он не стал настаивать, как все грузины, чуть не вливающие вино за пазуху. Он начал есть некрасиво, жадно, руками, пить, болтать, меня попросил только пригубить доставленное из Грузии „наилучшее из вин“. Через некоторое время он встал и вышел в одну из дверей, не извиняясь, ничего не сказав... Явившись вновь, он объясняет, что заседание „у них“ кончилось, но Иосиф так устал, что концерт отложил. Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и что, если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и подталкивает к двери, но не к той, в которую он выходил, и не к той, в которую мы вошли, и, противно сопя в ухо, тихо говорит, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он отвезет меня домой. И все, и провал. Очнулась: тишина, никого вокруг...

Изнасилована, случилось непоправимое, чувств нет, выхода нет, сутки веки не закрываются даже рукой...»

Между тем еще один претендент добивался в те годы благосклонности знаменитой актрисы – маршал Югославии Иосип Броз Тито. Их знакомство произошло при следующих обстоятельствах.

В 1946 году Окуневской, как одной из красивейших актрис советского кино, предложили отправиться в заграничное турне. Она, естественно, согласилась. Турне проходило в пяти странах, в том числе и в Югославии. В то время там

с большим успехом демонстрировался фильм с ее участием «Ночь над Белградом», поэтому актрису югославы встречали особенно тепло. Был организован прием в ее честь руководителем страны Иосипом Броз Тито. Во время этой встречи он предложил ей остаться навсегда в Хорватии, даже обещал построить для нее там киностудию. «Потом мы обязательно поженимся», – заявил он ей в конце встречи. Окуневская не решилась остаться в Югославии.

Их роман продолжался еще какое-то время и выглядел романтично. Например, каждый раз после спектакля «Сирано де Бержерак» с ее участием из югославского посольства ей приносили целую корзину черных роз. В другой раз маршал Югославии специально пригласил к себе в Белград с гастролями Театр Ленком, надеясь на то, что вместе с театром придет и Окуневская. Однако компетентные органы прекрасно разгадали маневр Тито и со своей стороны предприняли соответствующие меры. В день вылета к актрисе подошел художественный руководитель театра Берсенев и заявил: «Татьяна Кирилловна, вы должны остаться в Москве. Иначе гастроли отменят». И она осталась.

Однако на этом «югославская» тема в судьбе Окуневской не исчерпалась. Если с Тито актрису связывали платонические отношения, то вот с послом СФРЮ в СССР Владо Поповичем у нее случился самый настоящий роман (это именно он приносил ей цветы от Тито). Вспоминая те дни, актриса пишет: «Это было изумительно. Красив Попович был

неимоверно. Я даже собиралась уйти от Горбатова. Когда Владо передавал мне что-то по поручению Тито, я всегда спрашивала: вы за себя это говорите или за маршала? А закончилось все довольно банально. Возвращался Горбатов из длительной командировки, Владо мне устроил истерику – чтобы я переехала жить к нему. А истерик я не переношу. В общем, мы поругались. Потом Попович из Союза бежал – когда Тито со Сталиным поругались. Больше я его никогда не видела...»

Знал ли Горбатов о том, что его молодая жена изменяет ему? Как это ни странно – знал. Однако ничего со своей стороны не предпринимал. По словам самой Окуневской: «Когда я увлекалась, Горбатов отлично это знал. Он был тактичен в такое время... А я его держала на расстоянии».

Не менее влиятельным ухажером актрисы был и тогдашний министр госбезопасности СССР Виктор Абакумов. Но ему не повезло: когда в гостинице «Москва», во время одного из приемов, он попытался ее поцеловать, она вlepила ему пощечину. Правда, тогда она не знала, кем в реальности был этот человек. Он же ей этого не простил. 13 ноября 1948 года Окуневскую арестовали по статье 58.10 – антисоветская агитация и пропаганда. Ей инкриминировали многое. Во-первых, в доносе некоего Жоржа Рублева (это был псевдоним гэбэшного стукача) говорилось, что Окуневская, встречая Новый год под Веной, в особняке маршала Конева, подняла бокал за тех, кто погибает в сталинских лагерях, во-

вторых, в Киеве на съемках картины «Сказка о царе Салтане» актриса в перерыве между съемками посетила кафе на Прорезной и там провозгласила тост со словами: «Все коммунисты лживые и нечестные люди».

Кроме этого, Окуневской припомнили и связь с врагом – югославским послом Поповичем. Во время ареста никакого ордера ей предъявлено не было, актрисе показали только короткую записку: «Вы подлежите аресту. Абакумов».

После 13 месяцев в одиночной камере, где ее подвергали не только изнурительным допросам, но и избиениям, Окуневскую вновь привели в лубянский кабинет Абакумова. По ее словам, в тот день стол шефа госбезопасности ломился от различных яств, которые испускали такой аромат, что ей, похудевшей до 46 килограммов, стало плохо. Абакумов видел это и, наверное, считал, что сопротивление гордой женщины сломлено. Таким образом он одержал уже не одну победу. Когда он попытался обнять Окуневскую, та, как и во время их первой встречи, вlepила ему пощечину. Этим она собственноручно подписала себе приговор. Ее осудили на 10 лет и отправили в один из лагерей в Джезказгане (таких лагерей она затем сменит еще четыре).

Лагерная «эпопея» Окуневской длилась более четырех лет. Вроде бы не много по меркам того жестокого времени, однако так может показаться только обывателю, никогда не хлебавшему лагерной баланды. За эти годы актриса несколько раз была на грани голодной смерти, однажды чуть

не умерла от гнойного плеврита. И каждый раз, когда над ней нависала опасность, какое-то чудо отводило беду в сторону. Но самое удивительное то, что только в лагере Окуневская внезапно встретила свою первую и единственную в жизни любовь.

Его звали Алексей. Они встретились в Каргопольлаге в агитбригаде, где он играл на аккордеоне. По словам Окуневской, она влюбилась в него с первого взгляда. Вскоре и он обратил на нее внимание. Однако ничего между ними не было и быть не могло. Если бы кто-то из спецчасти увидел их вместе, их бы тут же разлучили навсегда. Поэтому их уделом были лишь короткие встречи после репетиций в агитбригаде.

Между тем законный муж осужденной актрисы, Горбатов, считал за благо вычеркнуть ее из своей жизни навсегда. За все время, пока она находилась на Лубянке, он не принес ей ни одной передачи. А как только ее отправили в лагерь, он тут же выселил мать Окуневской из своей квартиры, а дочь от первого брака поспешно выдал замуж. А вскоре и сам женился на актрисе Театра сатиры Н. Архиповой. Правда, прожил он с новой женой недолго: в 1954 году, в возрасте 42 лет, он умер от инсульта. (Н. Архипова после этого вышла замуж за актера Г. Менглетта).

В том же году из лагеря была выпущена на свободу и Окуневская. Алексей остался в лагере. Судьба его сложилась трагически: освободившись через какое-то время, он умер

от туберкулеза в Тарту. Там его и похоронили.

Вернувшись в Москву, Окуневская поселилась на Арбате у своей уже замужней дочери. (Ее бывшую квартиру теперь занимали два актера Театра сатиры). Она сама вспоминает о тех днях: «Я не узнала Москву: пьянство, разврат...»

Между тем первым, кого она встретила в Москве, был Петр Алейников, с которым она когда-то снималась в кино. Вот как она описывает ту встречу: «Бегу однажды домой, а навстречу – Петя Алейников. Он совершенно остолбенел, и из чудных, необъяснимых его глаз – если бы такие глаза были на изображениях Христа, то верующих стало бы на много миллионов больше – полились слезы. Потом опомнился, потащил меня в соседнюю шашлычную. „Мне, – говорит, – сейчас пить нельзя, а ты пей и ешь. Что ты хочешь?“ Зовет официанта и заказывает все меню. Вот таким был Петя».

После освобождения из лагеря Окуневская устроилась работать в Театр Ленинского комсомола. Однако там ей доставались второстепенные роли. «Травить меня стали еще сильнее, чем до ареста. Порой я думала, что лучше бы осталась в лагере, там было даже легче. Главному режиссеру запрещали давать мне главные роли в театре», – вспоминает Окуневская.

А в скором времени Окуневскую и вовсе уволили из театра. Как она сама призналась, в этом был замешан ее давний недруг и друг Горбатова Константин Симонов.

Окуневская вспоминает: «Он вообще мне массу гадостей

сделал. Чего стоит одно его стихотворение про меня, посвященное другу – Горбатову. Смысл там такой: с кем ты жил, она никогда не работала, только ела и пила».

Чтобы не быть голословным, приведу мнение противоположной стороны – сына К. Симонова Алексея. Вот его слова: «В своих воспоминаниях Т. Окуневская употребила весь свой талант на создание о себе легенды. Для легенд нужны ангелы и монстры. В ангелы она, разумеется, выбрала себя, а роль монстров отвела своему предпосадочному мужу Борису Горбатову и Симонову: потасканные мерзавцы, трусы и злопамятные негодяи, а Горбатова она и в сутенеры записала бы, если б не тень, которую подобное заявление бросало на ее ангельский лик. Мне было тринадцать, когда умер Горбатов, но даже то, что я о нем помню, говорит, что это ложь. Дети, которых за год до его смерти родила ему другая женщина, их достоинство, доброта, душевная щедрость – свидетельство хорошей породы. Но я о Симонове. Из многих мерзостей самая скверная в „мемуарах“ та, что якобы по навету Симонова Окуневская после возвращения из лагеря была выкинута из Театра Ленинского комсомола, что Симонов отрезал ей путь назад, в кино, в искусство. Свидетелей нет. Ее слова – против моих. Я еще добавлю ей аргумент. Отец редко кого ненавидел. Ее – ненавидел. И оставил о том недвусмысленное свидетельство. Оно напечатано в „Стихах 54-го года“. Называется „Чужая душа“.

Дурную женщину любил,
А сам хорошим парнем был...

Это об умершем друге, а потом:

А эта, с кем он жил, она —
Могу ручаться смело,
Что значит слово то – «жена»
Понятья не имела.
Свои лишь ручки, ноженьки
Любила да жалела,
А больше ничевошеньки
На свете не умела:
Ни сеять, ни пахать, ни жать,
Ни думать, ни детей рожать,
Ни просидеть сиделкою,
Когда он болен, ночь,
Ни самую безделкою
В беде ему помочь.
Как вспомнишь – так в глазах темно, —
За жизнь у ней лишь на одно
Умения хватило —
Свести его в могилу!

Так вот, свидетельствую, что это, по неоднократно признанию отца, – о ней, о Татьяне Окуневской. А в судьи, коль скоро в Высший Суд я не верю, призываю многочисленных друзей отца, актеров и актрис, с которыми он работал, выпи-

вал, и даже тех, с кем романы водил: нанес ли он хоть малый урон чьей-нибудь творческой судьбе (если только не вести речь о пробах на роль – тут всегда выбор жесток к тем, кого не выбирают)?».

Однако вернемся в 50-е. Так же, как и в театре, у Окуневской не сложилась дальнейшая работа в кино. Через два года после возвращения из лагеря она снялась в фильме режиссера Владимира Сухобокова «Ночной патруль», причем роль ей досталась отрицательная. Игра в этом фильме не принесла ей славы, так же как и роль в другой картине – «Звезда балета» (1965).

Замуж после освобождения Окуневская так больше и не вышла. По ее словам: «Я решила, что лучше отрублю себе руку, чем вновь выйду замуж. Я так и сказала дочери: если заговорю о замужестве, сразу вызывай психиатрическую неотложку. А любовники изумительные были... Но это было все-таки не то...»

Сразу после возвращения Окуневской из лагеря сделал попытку вновь воссоединиться с ней ее первый муж – Дмитрий Варламов. Вот как вспоминает об этом сама актриса: «На пороге Митя!.. Да, Митя!! Разодетый! С цветами! Сели. Заикаясь, волнуясь, предлагает мне руку и сердце, говорит, что теперь он другой, изменился, образумился, смотрю на него, и мне за него неудобно, жалко его, он, конечно, не светоч мысли, но неужели он не понимает всю нелепость своего предложения, и все-таки его чувство трогает, и тут же

всплывают его поступки, его поход в партком с раскаянием, что не разглядел врагов народа, кража Зайца (речь идет об их дочке. – *Ф. Р.*), его бесконечные сцены, как хорошо, что я с ним разошлась, как хорошо, что у меня хватило сил разойтись, взять Зайца на руки и уйти в никуда. Не знаю, хватило ли бы, если бы не мой прекрасный Папа. Чтобы Митю не обидеть, я мягко сказала, что теперь уже поздно...»

В 1994 году Т. Окуневская отметила свое 80-летие и в качестве подарка получила очередную роль в кино – она снялась в фильме «Принципиальный и жалостливый взгляд», который вышел в прокат в 1995 году.

Петр Алейников

Петр Мартынович Алейников родился 12 июля 1914 года в белорусском селе Кривель Могилевской области. Он был третьим, самым младшим ребенком (были еще сестра Катерина и брат Николай) в бедной крестьянской семье. В 1920 году, когда Пете было шесть лет, умер его отец: сплавливая лес по Днепру, он упал в холодную воду и сильно простудился, помощи ему оказать никто не сумел, и он скончался. Вслед за ним слегла и мать. Дом осиротел, и Петя Алейников пошел попрошайничать. А в 10 лет он и вовсе ушел из дому, влившись в огромную армию российских беспризорников: воровал, скитался, сбегал из-под ареста. В начале 20-х попал в Шкловскую школу-интернат. Там мальчишка впервые почувствовал человеческое тепло, начал учиться. В свободное время местный киномеханик обучал его своему нехитрому ремеслу, и благодаря ему мальчик пристрастился к кино. Мечтал стать киноартистом. Именно поэтому он вскоре и сбежал из интерната, чтобы, подавшись в Москву, «стать артистом». Но на одной из железнодорожных станций мальчишку выловили и определили в Барсуковскую детскую трудовую колонию.

В колонии существовал собственный драмкружок, и Петр довольно скоро стал в нем самым активным участником. От природы наделенный прекрасным чувством юмора и обая-

нием, он стал главным исполнителем комедийных ролей. Однако в конце 20-х судьба вновь срывает Алейникова с насиженного места: он попадает в Могилев, а именно – в коммуна имени Десятилетия Октябрьской революции. Эта коммуна тогда только появилась на свет и собственного драмкружка еще не имела. Но Алейников не стал дожидаться чьего-то благословения и создал собственный драмкружок. Вскоре ребята поставили свой первый спектакль, посвященный революции. Алейников исполнял в нем одну из главных ролей. В числе приглашенных на это представление оказался и профессиональный театральный режиссер В. Кумельский. Подойдя после спектакля к Алейникову, он похвалил его и настоятельно посоветовал поступать в театральный институт. По другой версии, путевку в большую театральную жизнь выдал Алейникову сам Сергей Киров, который тоже присутствовал на том спектакле.

В 1930 году Алейников с рекомендательным письмом от руководства колонии отправляется в Ленинград и успешно сдает экзамены в Институт сценических искусств – он попадает на отделение кино, которое в том году возглавил недавний студент ФЭКСА (Фабрика эксцентричного актера) Сергей Герасимов.

В институте Алейников не блистал знаниями, но его природное обаяние невозможно было не заметить. Он был душой любой компании и никогда не унывал. Его первый кинодебют был эпизодическим – в 1932 году в фильме «Встреч-

ный». В тот год Алейников узнал о гибели брата и сестры.

Через год Алейников был приглашен Герасимовым на крохотную роль в немом фильме «Люблю ли тебя?». Одной из партнерш Алейникова в картине оказалась его однокурсница – 17-летняя Тамара Макарова. Он влюбился в девушку, однако признаться ей стеснялся. Когда много позже народная артистка СССР Макарова узнала, что ее воздыхателем был Алейников, она очень удивилась – в те годы он ничем не обнаруживал своих чувств. В отличие от него Сергей Герасимов был куда настойчивее (к тому же старше и титулованнее). Для Алейникова этот роман оказался сильным потрясением. На какое-то время он даже запил, а затем и вовсе покинул группу Герасимова. В 1934 году Алейников снялся в третьей своей картине – в фильме «Крестьяне» он сыграл роль Петьки. В 1935 году он стал выпускником Института сценических искусств.

В том же году Герасимов пригласил Алейникова на одну из главных ролей в фильме «Семеро смелых». К тому времени боль потери у Алейникова прошла. Он увлекся молодой 18-летней монтажницей с «Ленфильма». На предложение Герасимова он откликнулся с удовольствием, его не смущало, что одну из главных ролей в фильме будет исполнять та, которую он безответно любил, – Тамара Макарова.

Фильм «Семеро смелых» вышел на экраны в 1936 году и имел невероятный успех. Роль поваренка Молибога в исполнении Алейникова стала для актера его звездным часом.

Как говорят в таких случаях, «на следующий день после премьеры он проснулся знаменитым». Его стали приглашать в один фильм за другим: «За Советскую Родину» (1937), «Комсомольск» (1938), «Трактористы» (1939), «Шуми, городок», «Пятый океан» (все – 1940). Однако самым знаменитым фильмом в карьере Алейникова, без сомнения, стала «Большая жизнь» (1-я серия). В прокате 1940 года он занял 6-е место, собрав на своих просмотрах 18,6 млн. зрителей. После него Алейникова иначе, чем Ваня Курский, никто уже не называл.

К началу 40-х годов Алейников был уже кумиром советских кинозрителей. Как написал позднее А. Бернштейн: «Алейников на экране сразу же завораживал публику, которая полюбила актера прежде всего за его природное, Богом данное обаяние. Его поведение перед камерой, его игра во многом определялись не тонким расчетом, а большой художественной интуицией, жизненной энергией, юмором, иронией, озорством. Он был в кино своеобразным вариантом Василия Теркина, добродушного, веселого, обаятельного героя „себе на уме“, с хитроватой усмешкой, презрением к чиновникам, хапугам, трусам и с непредсказуемым движением чувств».

Уникальность Алейникова в том, что даже сейчас, в 90-е, его герои вызывают у зрителей огромную симпатию, то есть он стал кумиром вне времени, что не каждому артисту подвластно. Я помню, как и мы, мальчишки 70-х, копировали

Петра Алейникова. «Здравствуй, милая моя, я тебя дождался...» – распевала вся страна.

Друзья артиста рассказывали, что Алейников и в жизни был таким же, как и на экране, – веселым, обаятельным. Он был душой любого общества, обожал розыгрыши, был прекрасным рассказчиком. В то же время он был совсем непрактичным, что называется, «непробивным» человеком. И хотя он был истинно народным артистом, однако никакими официальными званиями при жизни награжден так и не был.

Детство Алейникова было беспризорным. Он смолodu познал вкус «обратной стороны» жизни, рано начал выпивать. А тут всесоюзная слава, шумные застолья и банкеты. В 1938 году, когда он снимался в «Трактористах», режиссер фильма Иван Пырьев многократно грозился выгнать его со съемок, если тот не прекратит свои пьяные загулы. Когда же фильм вышел на экраны, критика стала дружно превозносить всех главных героев в исполнении Марины Ладыниной, Николая Крючкова, Бориса Андреева, однако похвалы Алейникову были куда скромнее. На официальные торжества в связи с выходом фильма его не приглашали, наград никаких не вручали. А ведь выкинь его Савку из фильма – и «Трактористы» сразу потускнеют.

В 1940 году Алейников впервые снялся в сказке – режиссер Александр Роу поставил фильм «Конек-Горбунок». Алейникову досталась в нем центральная роль – Иванушки. В этом же фильме с ним сыграли его жена Валентина и ма-

ленький сынишка Тарас.

В том же году Алейников снялся еще в одной картине – «Случай в вулкане», однако съемки в ней особой радости ему не доставили. Снимал фильм режиссер Евгений Шнейдер. Где-то к середине съемок всякое желание сниматься у Алейникова пропало, он то и дело выражал Шнейдеру свое недовольство. Причем самым неожиданным образом. Вспоминает участница тех съемок Лидия Смирнова. Однажды Алейников позволил себе по отношению к режиссеру хулиганский поступок. Произошло это во время съемки одного из эпизодов в номере ялтинской гостиницы. Устав от замечаний режиссера, которого он не уважал, Алейников вдруг снял перед ним штаны и громко произнес: «Вот вы кто, а не режиссер!» Шнейдера это, естественно, возмутило, и он тут же телеграфировал в Москву о безобразном поступке актера. Вскоре оттуда прибыла грозная комиссия, которая потребовала, чтобы актер немедленно публично извинился перед режиссером. Алейников какое-то время упирался, однако в конце концов извинился. Картину удалось благополучно доснять, однако настоящим произведением искусства она так и не стала.

В годы Отечественной войны талант Алейникова засверкал с новой силой. Кому, как не ему, с его обаянием, добротой и юмором, предстояло вселять в бойцов веру в победу и оптимизм. Поэтому один за другим выходят на экран новые фильмы с его участием: «Александр Пархоменко» (1942),

«Непобедимые», «Во имя Родины» (1943), «Большая земля», «Небо Москвы» (оба – 1944). В последнем фильме Алейников сыграл третью, к сожалению последнюю, главную роль в своей недолгой карьере.

В 1946 году Алейников решил резко изменить актерское амплуа (эдакий рубаха-парень) и принял предложение режиссера Л. Арнштама сняться в его фильме «Глинка» в роли... А. С. Пушкина. Безусловно, это был смелый ход как со стороны режиссера, так и со стороны актера, но зритель подобного поворота в судьбе любимого актера не принял. Алейников в роли поэта вызывал в зале дружный смех. Актер после этого даже попросил снять из титров фильма его фамилию, хотя считал эту роль одной из лучших в своем послужном списке. С этого момента наступил закат в кинокарьере Алейникова. За четыре года он был приглашен сниматься только трижды, да и то в крохотные эпизоды. Во многом это объяснялось личной недисциплинированностью самого актера, который к тому времени почти спился. Поэтому, несмотря на то что Алейников был обожаем зрителями, многие режиссеры боялись связываться с ним, зная его скандальный характер. Например, в 1945 году на съемках фильма «Морской батальон» режиссер Александр Файнциммер вынужден был применить силу, чтобы привести Алейникова в нормальное состояние. Алейников тогда приехал на съемки в Ленинград со своей любовницей Лидией, вечерами в номере гостиницы напивался и бил ее смертным боем. Ре-

жиссеру приходилось вызывать моряков, чтобы те охраняли бедную женщину.

В конце концов к началу 50-х годов Алейников оказался за бортом большого кинематографа. Зритель с нетерпением ждал появления на экранах новых фильмов с его участием, но его не приглашали. А если и приглашали, то быстро находили замену. Из-за обильных возлияний он потерял роли в таких картинах, как: «Адмирал Нахимов» (1947), «Беспокойное хозяйство» (1946), «В квадрате 45» (1954) и др.

В «Беспокойном хозяйстве» Алейников должен был играть летчика, и Михаил Жаров, режиссер фильма, зная о пристрастии Алейникова к «зеленому змию», приказал запереть его в гостиничном номере, дабы уберечь от искушения. Но Алейников все равно сбежал, спустившись по водосточной трубе. В итоге эту роль сыграл другой актер – Виталий Доронин.

Иногда, чтобы хоть что-то заработать, Алейников соглашался выезжать с творческими бригадами московских театров на периферию. Причем эти поездки обставлялись весьма оригинально. На афишах крупными буквами набиралось имя и фамилия – «Петр Алейников», а внизу мелкими буквами выписывались имена остальных актеров. И аншлаги были полные. Народ помнил и любил своего кумира, последний успешный фильм которого был снят 10 лет назад. Артисты, участвовавшие в этих концертах, вспоминают, что работать перед выходом Алейникова было трудно. Зрители жда-

ли только его и поэтому выступления других встречали сдержанно. И вот когда наконец появлялся конференсье и хорошо поставленным голосом, выдержав, как положено, паузу, объявлял: «Наконец перед вами выступит...», зал, не давая ему договорить до конца, взрывался аплодисментами. Выходил Алейников, и ему навстречу уже мчались многочисленные фанаты с подарками в руках: кто-то нес цветы, кто-то водку, кто-то коробку конфет и т. д. Кумира обнимали, целовали, качали на руках. Все это длилось довольно долго, иногда так, что на выступление у артиста уже времени просто не хватало. Если же все-таки он выступал, то это выступление было довольно скромным. Никаких веселых историй или тем паче анекдотов (на которые актер был большой мастер). Алейников всегда читал какой-нибудь рассказ советского писателя или чеховскую «Дорогую собаку». В 1954 году, во время концертных выступлений в Челябинске, Алейников читал стихи Пушкина. И как говорят очевидцы, неоднократно крестился во время выступления. По тем временам такое публичное выражение своих религиозных чувств могло дорого стоить артисту. Но он, видимо, свое уже отбоился.

В те годы многие, некогда набивавшиеся в друзья к Алейникову, отвернулись от него. Он был один, и часто местом его прогулок был Московский зоопарк. Особенно он любил бывать возле клетки с волком по имени Норик. Их дружба крепла с каждым днем, и однажды, когда Алейников кинул волку очередной кусок хлеба, волк внезапно подошел к

самой решетке. Его взгляд был настолько выразителен, что Алейников, повинувшись какому-то внутреннему зову, подошел к решетке и наклонился к волку. И тот лизнул его лицо. На глазах артиста показались слезы, и он произнес: «Норик, ты самый лучший среди людей».

В 1955 году молодой режиссер Станислав Ростоцкий начал съемки первого своего фильма «Земля и люди». Кто-то предложил ему снять в одной из ролей Алейникова: мол, без работы тот совсем спивается. Ростоцкий встретился с актером, спросил у него, можно ли надеяться на то, что он не подведет. Алейников дал твердое слово не брать в рот ни капли. И свое слово сдержал. Это было первое появление актера на экране после пяти лет творческого простоя (в 1950 году он снялся в фильме «Донецкие шахтеры»). Однако изменить что-либо в судьбе Алейникова съемки в этом фильме уже не смогли – болезнь зашла слишком далеко. Он ушел из семьи, жил у каких-то чужих людей. Видевший его в те годы П. Леонидов вспоминает слова Алейникова: «Мне не пить нельзя. Если, понимаешь, я вовремя не выпью – мне хана: задохнусь я, понимаешь. У меня, когда срок я пропущу, одышка жуткая, как у астматика, а выпью – и отойдет, отхлынет. У меня, понимаешь, в душе – гора, не передохнуть, не перешагнуть, не перемахнуть. Боря Андреев – вон какой здоровый, а с меня чего взять-то? Иной раз думаю: неужто один я такой непутевый да неумный, а погляжу на улицу или в зал – ведь всем дышать нечем, всем, но они, дураки, тер-

пят, а я пью и не терплю. У меня бабушка казачка была, вот я и буду пить, а не терпеть».

На рубеже 50—60-х годов Алейников снялся в эпизодических ролях в трех фильмах: «Отчий дом» (1959), «Ванька» (1960), «Будни и праздники» (1962). В 1963 году его пригласили на роль почтальона в фильме Киностудии им. Довженко «Стежки-дорожки». Его партнером по фильму был актер Евгений Весник. Съемки проходили в селе Селище под Винницей, и Алейников первое время вел абсолютно трезвый образ жизни. Казалось, что ничто не выбьет его из колеи. Однако Весник, с которым они жили в одной хате, на четыре дня улетел в Москву, и к Алейникову тут же «приклеился» местный киномеханик. Начались ежедневные возлияния, которые едва не завершились трагедией: пьяный Алейников ушел в лес и там свалился в какой-то овраг. Его еле-еле отыскали, кое-как выходили и отправили обратно в Москву. А все эпизоды с его участием пересняли с другим актером.

Между тем алкоголизм вызвал массу других болезней. Он перенес операции, в начале 60-х из-за мокрого плеврита у него удалили одно легкое (операцию проводил знаменитый профессор Лосев). Жизненные силы постепенно покидали этого некогда крепкого и жизнерадостного человека. Однако за несколько месяцев до смерти судьба все-таки подарила Алейникову радость новой работы на съемочной площадке. Режиссер Б. Мансуров пригласил его в свой фильм «Утоле-

ние жажды» на роль заправщика Марютина. Радость Алейникова была еще сильнее оттого, что в этой же картине с ним должны были сниматься его дети: сын Тарас и дочка Арина. Съёмки происходили в пустыне под Ашхабадом. Мансуров рассказывает: «В рабочем поселке, в комнате недостроенного дома, мы были вдвоем с П. Алейниковым. За фанерной перегородкой была гримерная, и оттуда доносился женский голос: „Я его не узнала. Помню, такой он был красивый, а теперь...“ Петр Мартынович улыбнулся и заплакал...

По двенадцать и более часов в сутки работал Петр Мартынович, заражая своим трудолюбием всю съемочную группу. Все, что он успел сделать в фильме, было сделано за 15–16 дней. Однажды я спросил его:

– Не устали ли вы?

Он улыбнулся и неожиданно спросил, изменю ли я название фильма.

– Нет.

– Не надо, – проговорил он, – это моя долгая жажда работать, которую я давно не утолял...

И все же болезнь окончательно надломил его. Он улетел в Москву и назад не вернулся».

Петр Алейников скончался 9 июня 1965 года в Москве, в «высотке» на площади Восстания. До своего дня рождения (ему должен был исполниться 51 год) он не дожил 33 дня.

Когда на самом верху решался вопрос о том, где похоронить популярного актера, было решено выделить ему скром-

ный участок на Ваганьковском кладбище. Однако в дело внезапно вмешался лучший друг Алейникова актер Борис Андреев. Он пришел в один из высоких кабинетов и, ударив по столу кулаком, потребовал похоронить народного артиста Петра Алейникова на престижном Новодевичьем кладбище. «Так ведь не положено, – ответили ему начальники. – На Новодевичьем все места уже давно распределены». – «И мое место тоже там?» – спросил Андреев. «Конечно, Борис Федорович!» – «Тогда похороните на нем Петю Алейникова, а мне сойдет и место поскромнее», – заявил Б. Андреев. Чиновники так и поступили.

P. S. Фильм «Утоление жажды» вышел на экраны в 1967 году. За роль старого рабочего Марютина Алейников в 1968 году на кинофестивале в Ленинграде был награжден специальным призом (посмертно).

Дети Алейникова пошли по его стопам: сын Тарас стал кинооператором, а дочь Арина – актрисой.

Тамара Макарова

Тамара Федоровна Макарова родилась 13 августа 1907 года в Санкт-Петербурге в семье военного врача. Кроме нее, в семье было еще двое детей: младшие брат и сестра. Их детство было неразрывно связано со службой отца в гренадерском полку, в атмосфере военных традиций и некоторого романтизма. Уже с детских лет Тамара была жутко влюбчивой. Например, в пятилетнем возрасте она была влюблена в некоего поручика Данилевского и, когда в их доме устраивались вечеринки, цеплялась за него обеими руками и не давала ему ни с кем танцевать.

После переворота в октябре 1917 года Макаровы остались без главы семейства: он погиб. Кругом царили голод и разруха. Однако Тамара даже в такое время успевала учиться в школе и одновременно заниматься в балетной студии. (Она подавала большие надежды и собиралась поступать в балетную школу Мариинского театра, однако отец запретил.) Иногда она в составе студийной бригады участвовала в концертах и спектаклях и получала за это продуктовый паек, помогая семье.

А в 1921 году Тамара решила создать собственный театр прямо во дворе дома. Собрав всю окрестную ребятню, она стала терпеливо обучать ее премудростям актерского ремесла. Вскоре дворовый театр порадовал премьерой спектакля

ля, и районный Отдел народного образования принял решение зарегистрировать его как штатную единицу и разрешил ставить выездные спектакли. Юные актеры стали получать хлебный паек.

В 1924 году, после окончания трудовой школы второй степени, Макарова подала документы в МАСТАФОР – актерскую мастерскую Фореггера. Экзамены она сдала блестяще: опыт сценической деятельности у нее был к тому времени солидным. Именно там она впервые встретилась с 20-летним студийцем Сергеем Герасимовым. Произошло это после того, как Макарова блестяще исполнила чарльстон в эстрадной миниатюре «Модистка и лифтер», и Герасимов подошел к ней, чтобы выразить свое восхищение. В то время он был уже достаточно знаменит благодаря ролям в немых фильмах Г. Козинцева и Л. Трауберга – «Мишки против Юденича» (1925), «Чертово колесо» и «Шинель» (оба – 1926). Поэтому его расположения добивались многие девушки. Однако тогда их знакомство ни во что серьезное не вылилось. Но довольно скоро состоялась их новая встреча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.